

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:

Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

Артоболевский С.С. (Москва),
Шувалов В.Е. (Москва),
Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

Алексеев А.И. (Москва), Бакланов П.Я.
(Владивосток), Лентц С. (Германия),
Гладкий Ю.Н. (С.-Петербург), Касимов Н.С.
(Москва), Колосов В.А. (Москва), Лап-
по Г.М. (Москва), Мироненко Н.С.
(Москва), Пирожник И.И. (Беларусь),
Сэлноу Дж. (Великобритания), Федоров Г.М.
(Калининград)

Редакционная коллегия:

Белозеров В.С. (Ставрополь), Бильчак
В.С. (Калининград), Вардомский Л.Б.
(Москва), Воробьева О.Д. (Москва), Ко-
валев Ю.П. (Смоленск), Кочуров Б.И.
(Москва), Мажар Л.Ю. (Смоленск), Ро-
дионова И.А. (Москва), Рудский В.В.
(Смоленск), Смирнягин Л.В. (Москва),
Ткаченко А.А. (Тверь), Шарыгин М.Д.
(Пермь), М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 25.01.08 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times».
Тираж 500 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: unm@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 6 раз в год

№ 1 (16), 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	3
Корнев И.Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства	3
Kornev I.N. Geographical hermeneutics in the context of the concept of geocultural space	3
Яськова Т.И. Пристоличное положение как отражение взаимовлияния регионов: теоретический аспект	10
Yaskova T.I. Pre-capital location and its influence upon regions: theoretical approach	10
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	20
Казакова Т.Л. Разработка системы индикаторов устойчивого развития для центрального черноземья.....	20
Kasakova T.L. The system of indicators of sustainable development for the Central regions of Russia with fertile soils	20
Миронова Г.Л. Направления расширения финляндско-российского сотрудничества	23
Mironova G.L. The perspectives of cooperation between Finland and Russia	23
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	31
Карачурина Л.Б. Пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов в современной Германии: уроки для России	31
Karachurina L.B. Geographical location and social adaptation of migrants of modern Germany: possibilities for Russia	31
Романова Е.В. Особенности развития региональных кластеров в Восточной Германии	38
Romanova E.V. The peculiarities of regional clusters development in Eastern Germany	38
Шувалова О.В. Роль государства и компаний в трансформации географии угольной промышленности Германии	47
Shuvalova O.V. The role of the state and business in the placement transformation of the coal industry in Germany	47
КНИЖНАЯ ПОЛКА.....	53
Ковалев Ю.П. В мире алмазов и бриллиантов.....	53
Kovalev Y.P. In the world of diamonds and brilliants	53
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	54

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.Н. Корнев
(г. Екатеринбург)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Kornev I.N.

GEOGRAPHICAL GERMENEVTICS IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF GEOCULTURAL SPACE

The idea of the given article is to prove the necessity of development of hermeneutics as method of cognition in humanitarian geography.

В общепринятом философском понимании герменевтика – это искусство толкования, направленное на понимание (выявление подлинного смысла текстов). Впервые категория понимания как постижение смысла текста, достигаемое в процессе его чтения и интерпретации, нашла отражение в концепции В. Шлейермахера. Но уже в представлениях В. Дильтея, одного из основоположников современной герменевтики, она выступает методологической основой гуманитарного мышления. Он считал, что понимание как метод познания рассматривается, прежде всего, как постижение духовного мира личности. При этом понимание собственно духовного мира достигается с помощью интроспекции, а понимание чужого мира – путем вживания, сопереживания, вчувствования [5, с. 145]. Толкуя герменевтику как искусство понимания письменно зафиксированных проявлений жизни, Дильтей уделил большое внимание автобиографии как средству самопознания, биографии, как средству познания другого.

По степени сложности Дильтей делил понимание на три вида: элементарное, нацеленное на отдельные проявления индивида; сложное, охватывающее все проявления индивидуального духа; наиболее сложное, постигающее всеобщие исторические объективации предельные основания жизни. Границы понимания, по Дильтею, заключены в способе данности предмета понимания, а само понимание является

процессом наивысшего напряжения, носит открытый характер и никогда не может быть завершено. Дильтей подчеркивал также взаимосвязь понимания и оценки [5, с. 152].

Идеи, высказанные Дильтеем, нашли дальнейшее развитие в философии М. Хайдеггера [15]. У Хайдеггера понимание обусловлено деятельностью сознания, а выступает уже как способ бытия человека в мире. Человек есть существо, «толкующее свое бытие», человеческое бытие изначально «герменевтично», а понимание является его онтологической характеристикой [15, с. 120]. Освоение культуры, постижение ее смыслов, по мнению ученого, осуществляется через диалог.

Идеи, развитые М. Хайдеггером, оказали огромное влияние на герменевтику второй половины XX века, выдающимся представителем которой является Г.-Г. Гадамер [2, с. 9]. В отличие от своих предшественников, он утверждает, что основной герменевтической процедурой является «применение», поэтому герменевтическое усилие должно быть направлено не на то, чтобы переместиться в ситуацию автора, а чтобы отнести несомое им содержание к своей собственной ситуации. Цель интерпретации состоит не в «воспроизведении», а в «произведении» смысла [2, с. 10]. Следовательно, понимание состоит в способности применить, использовать осваиваемый фрагмент культуры в своих собственных целях и интересах.

В этой связи выделяется еще одна идея Гадамера, важная для понимания проблем социокультурного наследия и социокультурного воспроизводства человека. Она состоит в том, что человеческое бытие характеризуется историчностью, и, следовательно, понимание всегда предопределено местом и временем, т. е. той ситуацией, в которой человек застает себя [2, с. 11].

В настоящее время в трудах П. Рикера, Э. Хайнтеля, Р. Бернштейна, М. Франка, Ю. Хабермаса, Э. Бетти и других ученых герменевтика рассматривается как одна из форм осмысления человеческого духовного опыта, как наука о порождении и понимании гуманитарных смыслов и ценностей в структуре гуманитарного знания.

Герменевтический подход, развивающий концепцию понимания, весьма продуктивен, на наш взгляд, и в географии, одна из важнейших функций которой – «прочтение» географического пространства. Поскольку в последние годы активно идет процесс гуманизации географии, то герменевтический подход как методологическая основа гуманитарного мышления должен занять достойное место в методологическом арсенале гуманитарной географии.

В связи с этим мы можем говорить о *географической герменевтике*¹ и определить ее суть как *искусство прочтения, интерпретации (толкования) геокультурного пространства, как искусство его понимания (постижение смысла и значения) и, наконец, как метод познания в гуманитарной географии.*

Становление и развитие географической герменевтики возможно при условии, когда понятие «геокультурное пространство» будет принято в качестве инструментальной, а соответствующая концепция – в качестве методологической основы гуманитарной географии.

Понятие «геокультурное пространство» в отечественной географии стало употребляться в 1990-х гг. (Д.Н. Замятин, И.Н. Корнев, О.А. Лавренова, А.Г. Манаков). Современное содержание этого понятия является результатом эволюции представлений о географическом пространстве, которое, в свою очередь, менялось

в зависимости от уровня развития географической науки и того обобщенного образа мира, который формировался познавательными усилиями географов разных поколений. В русле познания географической реальности можно выделить представление о трех моделях образа мира: структурно-организационной, функционально-динамической и эволюционно-исторической. Каждой из них соответствует свое представление о географическом пространстве.

Для структурно-организационной модели характерно, что познавательные усилия были направлены на «заполнение» географического пространства объектами, их описание и определение местоположения на земной поверхности, в связи с чем основной вектор изучения географического пространства составляет описание земной поверхности разного масштаба. В результате сложился географический образ мира, символизирующий собой «упорядоченное географическое пространство», в границах которого с помощью карты зафиксировано местоположение географических объектов. С методологической точки зрения такой подход можно рассматривать как механистический. Географическое пространство ассоциировалось с геометрическим пространством, т. е. территорией (акваторией), их размерами и взаиморасположением. Поэтому изучались в первую очередь, «чистые свойства пространства, а именно протяженность, расстояние, а также форма и величина поверхностей, в противоположность различиям в их содержании» [3, с. 118].

Функционально-динамическая модель и соответствующий ей географический образ мира складывается в XIX столетии. География начинает изучать не отдельные явления и процессы, а их сочетания – географические комплексы. Именно в это время (первая половина XIX в.) К. Риттер вводит в теорию географии понятие «географическое пространство» в качестве одного из центральных понятий хорологической концепции.

Согласно определению К. Риттера, «географические науки имеют предметом *пространства* (курсив наш. – И.К.) на земной поверхности, поскольку пространства эти наполнены

¹ Понятие «герменевтика» применительно к географии, а конкретнее – к культурному ландшафту, использует В.Л. Каганский, рассматривая герменевтику ландшафта как «... активное «чтение» ландшафта (пространства), ориентированное на концептуальное освоение его разнообразия» и далее: «Такая герменевтика – еще и критическая интерпретация ландшафтного пространства как своего рода «произведения» общества» [7, с. 7, 15]. На необходимость герменевтического обоснования страноведения обращает внимание В.А. Пуляркин [10, с. 28], герменевтический метод к числу важных гуманитарно-научных методов географии относит Д.Н. Замятин [6, с. 14].

земным веществом, к какому бы царству природы вещество это ни принадлежало и в какой бы форме ни проявилось. Следовательно, науки эти описывают взаимные отношения местностей в самых особенных, а также в самых общих земных их проявлениях» [1, с. 407]. По А. Геттнеру «объектом географии не являются отдельные предметы и явления, как таковые; она не занимается также их географическим распространением, ... она исследует различия *пространства* (курсив наш. – И.К.) и места земной поверхности по характеру сложившихся в них трех царств неорганической природы и растений, животных, людей и человеческой деятельности» [3, с. 122–123]. Далее А. Геттнер продолжает: «Географическими фактами являются отношения *пространства* (курсив наш. – И.К.), подобно тому как историческими фактами являются отношения времени» [3, с. 123]. Таким образом, А. Геттнер мыслил географическое пространство как геосистемное образование, включающее «вещественное наполнение» и, что особенно важно, «отношения пространства» – «... это причинная связь между соединенными на одном месте земли различными царствами природы и их различными явлениями» [3, с. 119].

Русская географическая наука второй половины XIX – начала XX вв. находилась под сильным влиянием немецкой географии. Поэтому пространственный (хорологический) методологический принцип был решающим в географии и концепция «географического пространства» здесь получила дальнейшее развитие. Наиболее яркое проявление она нашла в работах В.П. Семенова-Тян-Шанского и особенно в его работе, посвященной теоретическому обоснованию страноведения – «Район и страна» [12]. Задача географа, по представлению ученого, состоит в сводке и, главное, в обобщении фактического материала, собираемого негеографическими науками, на пространствоведческой основе. Главным богатством России считали ее пространство и такие выдающиеся ученые и общественные деятели нашей страны, как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев. При этом пространство рассматривалось не только как материальное, но и как духовное богатство, определяющее русский характер и русскую культуру.

В 1930-х гг. в нашей стране антропогеография и вместе с ней хорологическая концепция были признаны вредными буржуазными на-

правлениями географической науки, что привело к их изгнанию из теории советской географии.

В советские годы вопрос о геопространстве как о важнейшей категории теоретической географии был поставлен на третьем Всесоюзном симпозиуме по теоретическим вопросам географии (Одесса, 1977 г.), но общности взглядов относительно операционных определений геопространства и его метрик достичь не удалось. В 1983 г. В.М. Гохмани Г.Д. Костинский были вынуждены обратить внимание на то, что «в географии нет единой общепринятой концепции пространства, а существует целый ряд ее вариантов» [4, с. 47]. Например, рассматривая проблему пространства в политической географии, В.С. Ягья отмечает: «В своем конкретном выражении политико-географическое пространство идентично *территории* (курсив наш. – И.К.), на которой складываются и действуют различные политико-географические процессы, тенденции, закономерности, обстоятельства и факторы» [16, с. 76]. Думается, что понятие «территория» должно присутствовать в определении понятия «геопространство», но неправомерно ставить знак равенства между этими понятиями. Территория выступает лишь в качестве рамки, фона для пространства, придает ему определенную форму. Е.Б. Алаев отмечает, что обязательное условие формирования геопространства – это присутствие среди объектов явлений, его формирующих, геотерии. «Если в пространстве отсутствует геотерия, то это какое угодно пространство, но только не географическое» [1, с. 101]. Неправомерно рассматривать геопространство и как «порядок *взаиморасположения* (курсив наш. – И.К.) целостных географических образований (геосистем) и их элементов», как предлагает А.Г. Топчиев. В данном случае геопространство трактуется как чисто геометрическая система, на что указывает присутствие в определении в качестве ключевого слова «взаиморасположение» [13, с. 47]. Во второй половине XX столетия в географической науке стал применяться геосистемный подход – в результате хорологическая концепция сменилась концепцией территориальной организации, которая сосредоточила внимание на изучении взаимосвязей и взаимовлияния в пространстве.

Впервые с позиций геосистемного подхода геопространство рассматривают в своей монографии «Современная география: вопросы теории» эстонские географы У.И. Мересте и С.Я. Ныммик. Согласно их концепции,

геопространство образует полная совокупность всех геосистем на одной и той же территории [9, с. 83]. Чрезвычайно важен в этой связи не только собственно предметный, но и мировоззренческий аспект проблемы: изучение геопространства выделяет, фиксирует и предполагает осознание связей между природой, человеком (социумом) и культурой возникающей как результата адаптации человека к среде обитания (Л.Н. Гумилев). Таким образом, в анализ включаются социальные связи, в основе которых лежит концепция всеединства мира.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что все возрастающий объем знаний о геопространстве привел в конце XX в. к явному противоречию между уровнем фактических, описательных знаний о нем и уровнем методологического осмысления. Известно, что по мере увеличения объема информации обязательным условием его освоения становится методологический инструментарий, способствующий выделению стержневых содержательных линий, категорий, типологий, более совершенных методов исследования. В этой связи в географии оказалась востребованной системная концепция, которая возникла под влиянием развития системного подхода. Ее положительная роль состоит в том, что она через понятие «геосистема» внесла стройность в определение понятия «геопространство», «поскольку гносеологическая сущность географической системы предельно ясна» [9, с. 106].

При определении понятия «геопространство» необходимо исходить из общепризнанного определения пространства как одной из основных (наряду со временем) форм существования материи. Э.Б. Алаев в своем понятийно-терминологическом словаре по экономической и социальной географии (1983) пишет, что геопространство в самом общем виде должно пониматься как философская концептуальная категория, как всеобщая и познаваемая форма существования материальных географических образований и объектов в пределах геосферы. «Геопространство – совокупность *отношений* (курсив наш – И.К.) между геообъектами, расположенными на конкретной территории (геотерритории) и развивающимися во времени» [1, с. 101]. «Отношение» в этом определении обозначает и взаиморасположение объектов, и их взаимосвязь, и взаимозависимость. Таким образом, представление о геопространстве исторически менялось от его отождествления с территорией до современного

понимания как целостной, сложной, динамически развивающейся объективной реальности, интегрирующей в себе разные по содержанию и разнонаправленные по вектору развития природные, техногенные и социальные процессы, а также отношения между ними. Вместе с тем, традиционная география вкладывает в понятие «географическое пространство» только материальный смысл, рассматривая его как материальную категорию, и стремится понять, из чего оно состоит, каковы его физические свойства, выявить закономерности функционирования и развития.

В настоящее время неотъемлемой частью научного мышления в различных областях знания, в том числе и в географии, становятся эволюционные концепции. На смену функционально-динамической модели географического образа мира приходит эволюционно-историческая модель. Определяющими условиями дальнейшего развития цивилизации признается культура во всем ее многообразии, нравственность, гуманизм. В этих условиях в 1990 гг. категория «геопространство» обогащается элементами культуры и трансформируется в категорию «геокультурное пространство (ГКП)», что обусловлено процессом гуманитаризации географии в нашей стране и в связи с этим бурным развитием культурно-географических исследований, внесших в содержание категории «геопространство» культурную составляющую. Эта категория, как уже было отмечено, стала широко использоваться в научной географической и культурологической (И.Я. Мурзина) литературе, но часто наряду с категорией «культурный ландшафт» (Ю.А. Веденин, В.Л. Каганский, Р.Ф. Туровский и др.), что, к сожалению, вносит путаницу в категориальный аппарат науки.

В отечественной географии ландшафтное направление возникло и развивалось в системе физико-географических наук, а поэтому географический ландшафт рассматривался, прежде всего, как природный комплекс. Измененный человеком природный ландшафт получил название антропогенного (Ф.Н. Мильков) или культурного (В.Б. Сочава). В том и другом случаях изменения природных ландшафтов человеком рассматриваются лишь в рамках хозяйственной деятельности общества. Об этом красноречиво свидетельствует определение антропогенного ландшафта из словаря по физической географии: «В настоящее время большинство исследователей под антропогенным ландшафтом

подразумевают такие комплексы, в которых на всей или на большей их площади коренному изменению под воздействием человека подвергся любой из компонентов ландшафта, включая растительность». В приведенном определении антропогенный ландшафт представляется как нечто внешнее (средовое) по отношению к человеку и затрагивает только материальную сферу взаимоотношений «человек – ландшафт». При этом в понятие «антропогенный ландшафт» иногда вкладывается негативный смысл и он рассматривается как нерационально измененный ландшафт, в то время как понятие «культурный ландшафт» имеет позитивную окраску и рассматривается как ландшафт, отвечающий экологическим, социальным, эстетическим требованиям и способный продолжать выполнение функций воспроизводства здоровой среды.

Иной смысл в понятие «культурный ландшафт» вкладывают представители гуманитарной (культурной) географии, например, В.Л. Каганский дает следующую дефиницию этому понятию: «Всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей – культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [7, с. 24].

Таким образом, понятия «культурный ландшафт» и «геокультурное пространство» несут, на наш взгляд, разную смысловую нагрузку и между ними не следует ставить знак равенства.

В нашем понимании ГКП – это системное территориальное образование, возникающее в результате взаимодействия различных территориальных систем: природных (ПТК), экономических (ЭПК), эстетических (ЛСР), территориальных общностей людей (ТОЛ) и др.

Материальной основой ГКП является территория, а связующим элементом – культурав широком понимании, которая включает материальную, духовную и соционормативную составляющие. Культурав ее составляющие имеют пространственное бытие и входят во все географические образования, превращая их в геокультурные ПТК включают антропогенные (культурные) ландшафты, ЭПК и ЛСР полностью состоят из элементов материальной культуры, ТОЛ выступают в качестве носителей социально-культурной деятельности, являясь одновременно объектами и субъектами культурного развития. Таким образом, ГКП можно рассматривать как совокупность отношений

между географическими объектами и географическими образованиями, с одной стороны, и целостными образованиями культуры и их элементами – с другой, как результат сотворчества природы и человека. Культурыв данном случае выступает в качестве интегратора пространствообразующих факторов. В свою очередь и сама культурав структуре ГКП «... может быть истолкована как деятельность по организации пространства» [14, с. 55].

Духовную составляющую ГКП можно определить как некую одухотворенную субстанцию, имеющую для человека значение, смысл и вызывающую у него эмоциональную реакцию.

ГКП является продуктом среды деятельности человека и воспринимается не само по себе как физическое явление, а в отношениях с человеком как результат деятельности, образно отраженный в его сознании, т. е. оно (ГКП) символически и семиотически освоено человеком. В итоге ГКП можно рассматривать как результат сотворчества человека и природы, как своеобразное художественное произведение, созданное поколениями людей, и воспринимаемое ими как свое «месторазвитие» (Савицкий П.Н., Гумилев Л.Н.).

Таким образом, введение в структуру понятия «географическое пространство» культурной составляющей и его расширение до понятия «геокультурное пространство» позволяет внести в содержание последнего символически-смысловой аспект, что углубляет представление о географическом пространстве и ставит во главу угла человека как носителя определенного типа культуры раскрывает взаимоотношения ментальности культуры с географическим пространством.

ГКП обладает рядом специфических свойств, которые ставят его в ряд основополагающих теоретических и конструктивных практико-образующих категорий гуманитарной географии и региональной культурологии

1. Системность. ГКП есть результат устойчивых связей между образующими его элементами, эти связи придают пространству целостность, автономность и устойчивость

2. Динамичность. Образующие ГКП элементы и связи между ними подвержены структурным и функциональным изменениям. Динамичность есть результат неразрывной связи пространства и времени. Развитие ГКП – есть его атрибутивная характеристика, учет которой позволяет говорить об исторических формах пространства.

3. Структурность, которая проявляется как в «вертикальной» (временной, исторической) плоскости, так и в «горизонтальной» (географической) плоскости. Представление о структурности ГВП основывается на материалистическом представлении о том, что любое явление имеет внутреннее строение, которое существует столь же реально, как и само явление. Пространственные структуры – это формы структурно организованной материи. Основываясь на положении диалектики о движении как атрибуте материи и идее соответствия структуры и функции, можно сказать, что в процессе развития материи каждому типу материальной структуры соответствует определенная пространственная структура. Поэтому каждое ГВП сугубо индивидуально и неповторимо, т.е. нигде на Земном шаре не существует двух абсолютно одинаковых пространств.

4. Информативность. Каждый структурный элемент ГВП посылает индивидуальную информацию. От природного субстрата, информация поступает в виде тональности, запахов, звуков, экономики и материальная культура поставляет материализованную пространственную информацию в виде объектов материальной культуры, духовная культура поставляет информацию в виде художественных образов, созданных в произведениях литературы и искусства. В них запечатлены смысл и мысль, мировоззренческие представления и установки.

Концепцию ГВП, в вышеизложенной трактовке, можно рассматривать в качестве методологической «платформы» гуманитарной географии и основополагающего принципа для развития географической герменевтики. Именно в контексте концепции геокультурного пространства герменевтика может войти в гуманитарную географию в качестве одного из основных методов познания.

Такая необходимость вполне назрела по целому ряду причин.

- В условиях смещения эпицентра современной отечественной географической науки к полюсу культуры, когда объектами изучения географии становятся не только материальные артефакты культуры, но и феномены духовной жизни общества, т.е. идеальная сторона его жизни, естественным и закономерным явлением

становится обращение к герменевтике. Герменевтика как общенаучная теория и практика интерпретации и понимания символически зафиксированных проявлений жизни человека, основанная на постижении реальности путем рефлексивного осмысления богатейшего эмоционально-духовного опыта человечества, представленного не только науке, но и в религии, языке, народных традициях, искусстве, культуре в целом, приобретает исключительное значение для географии, расширяя ее источниковую базу. Прочитать пространство – это значит постичь смыслы, заключенные в артефактах культуры и дать их интерпретацию.

- Современное состояние географии и острая необходимость избежать декларативной гуманизации географической науки и практики требуют специального исследования возможностей соединения на принципах взаимодополнения и паритетности гуманитарных и естественнонаучных подходов в изучении ГВП. Поскольку именно здесь воплощаются как рациональное, так и иррациональное начала, научный и художественно-эстетический подходы, одновременное видение предмета с нескольких разных точек зрения. Сочетание научного и художественно-эстетического подходов в гуманитарной географии способствует целостному восприятию предмета постижения и понимания, гармоничному сочетанию в познании научного анализа с синтезом благодаря интегрирующим свойствам художественно-эстетического образа, который, в силу характерной для него цельности и завершенности, не позволяет потерять целое в угоду частностям. Герменевтика таким образом, привносит в географическое мышление как метод научного познания образно-художественную составляющую.

- Особенность гуманитарного познания, в том числе и гуманитарно-географического, состоит в том, что отражение действительности в них опосредовано знаково-символическими конструкциями. Эти знаково-символические конструкции являются носителями информации, смысл которой часто «скрыт» от субъекта познания поэтому его надо дешифровать, понять, усвоить, истолковать, интерпретировать.

Поскольку постижение, усвоение смысла знаково-символической информации качественно отличается от объяснения природных

¹ Интересный пример образно-географического прочтения и интерпретации произведений А. Платонова «Чевенгур» и «Ноев ковчег» представлен Д.Н. Замятиним в монографии «Метагеография: Пространство образов и образы пространства» [6, с. 222–238].

и общественных закономерностей и явлений, постольку в методологии гуманитарной географии должна занять соответствующее место географическая герменевтика. В общих чертах ее задача состоит в интродукции методов и правил герменевтической логики в гуманитарно-географические исследования и в разработке технологии постижения смысла знаково-символической информации, заключенной в ГКП.

• Географическая герменевтика необходима для развития конструктивной гуманитарной географии, основной задачей которой можно считать моделирование географических образов. Согласно Д.Н. Замятину, «географические образы – это устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне). Они являются, как правило, компактными моделями определенного географического пространства (или географической реальности), созданными для более эффективного достижения какой-либо поставленной цели» [6, с. 14]. Географические образы, по

мнению ученого, это особый язык, язык пространственной культуры, которая модифицирует сама себя в зависимости от местоположения и является основой формирования политической географической культуры общества, развития чувства пространства и пространственной грамотности у его членов. Конструирование и распознавание географических образов регионов предполагает развитие целенаправленной деятельности по когнитивному оформлению наиболее устойчивых и продуктивных геопространственных представлений общества, что является необходимым условием развития регионального самосознания. Последовательное осмысление ГКП в рамках географической герменевтики – основа для моделирования географических образов. Разработка этого направления имеет практический выход на профессиональную подготовку географов, культурологов, регионоведов, работников сферы познавательного туризма, которым необходимо умение находить и показывать особенности ГКП, обусловленные его структурной спецификой [8].

Библиографический список

1. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983.
2. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988.
3. Геттнер, А. География, ее история, сущность и методы / А. Геттнер. – М.-Л., 1930.
4. Гохмац, В.М. Пространственные концепции в географии / В.М. Гохмац, Г.Д. Костинский // Теоретические проблемы географии (система географических концепций: Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. – Л.: ГО СССР, 1983.
5. Дильтей, В. Наброски к критике исторического разума / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1988. – № 4.
6. Замятин, Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства / Д.Н. Замятин. – М.: Аграф, 2004.
7. Каганский, В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей / В.Л. Каганский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.
8. Корнев, И.Н. Герменевтический подход в обучении студентов географических специальностей / И.Н. Корнев, С.Н. Поздняк // Университетский вестник Смоленского гуманитарного университета. – 2004. – № 7.
9. Мересте, У.И. Современная география: вопросы теории / У.И. Мересте, С.Я. Ныммик. – М.: Мысль, 1984.
10. Пуляркин, В.А. Дискуссионные вопросы современного научного страноведения / В.А. Пуляркин // Проблемное страноведение и мировое развитие. – Смоленск, 1998.
11. Риттер, К. Идеи о сравнительном землеведении / К. Риттер // Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник, издаваемый Николаем Фраговым, т. II. – М., 1853.
12. Семенов-Тянь-Шанский, В.П. Район и страна: Пособие для высшей школы / В.П. Семенов-Тянь-Шанский. – М.-Л., 1928.
13. Топчиев, А.Г. Географическое пространство и его свойства / А.Г. Топчиев // III Всесоюзный симпозиум по теоретическим вопросам географии: Тезисы докладов. – Киев: «Наукова думка», 1977.
14. Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. – М., 1993.
15. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1989. – № 9.
16. Ягья, В.С. Пространство в политической географии (постановка проблемы) / В.С. Ягья // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Сб. ст. – Л.: ГО СССР, 1984.

Т.И. Яськова
(г. Смоленск)

ПРИСТОЛИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ РЕГИОНОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Yaskova T.I.

PRE-CAPITAL LOCATION AND ITS INFLUENCE UPON REGIONS: THEORETICAL APPROACH

The author gives the theoretical analysis of the pre-capital location as a unity of special relations between neighboring regions, one of which performs the capital functions.

Исходя из общегеографических положений, уместно утверждать, что существование объекта или явления во времени и пространстве неизбежно связано с его развитием. В географии под этим термином чаще всего понимается изменение структуры географических образований. Когда такие функциональные и структурные изменения рассматриваются применительно к регионам, их обозначают через «региональное развитие» [1, с. 88]. Последнее трактуется как региональное (а шире – территориальное, со всем разнообразием масштабов и форм) проявление общественного развития в целом [24, с. 108] или комплексный процесс изменений экономической, социальной, экологической, политической и духовной сфер, приводящий к качественным преобразованиям и, в итоге, к изменению условий жизни самого человека [8]. Региональное развитие, как и развитие в целом, может быть ответом на воздействие внешних факторов или внутренних импульсов – так или иначе, развитие есть отражение какого-либо противоречия. Развитие порождается различиями и порождает их [21, с. 8].

В современных условиях любой регион представляет собой сложную открытую систему, поэтому не может развиваться изолированно. Региональное развитие происходит в условиях тесного взаимодействия, прежде всего, со своим окружением. Так как семантика слова «взаимодействие» предполагает обоюдный характер процесса, приводящего к преобразованию всех участвующих в нем региональных систем, то такое взаимодействие уместно называть взаимовлиянием. Характер и результаты взаимовлияния напрямую зависят

от границ и масштаба участвующих в этом процессе регионов, а также от разности потенциалов между ними.

Для обозначения соседства исследуемого региона и существенно важного для него элемента географического описания в литературе используется приставка «при-», обозначающая непосредственную близость, а также указывается сам внешний объект, соседство с которым оказывает наибольшее влияние на развитие исследуемого региона (например, приграничный, приморский, пристольный регион). Термин «пристольное положение» сравнительно молод, но понятие, им обозначаемое, довольно давно обсуждается в научной литературе. Так, среди больших и сложных проблем экономической и социальной географии важное место занимает взаимодействие крупнейших городов в том числе столичных, с окружающей территорией. «Для географического изучения городов – писал Н. Н. Баранский, – внешние связи имеют особо большое значение, так как только анализ этих связей города позволяет понять город на фоне окружающей его географической среды» [3, с. 233]. Анализ взаимодействия крупных городов в том числе столицы, с окружающими селениями, определение зон их влияния произведен рядом экономико-географов. Среди них В.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.Н. Баранский, Ю.Г. Саушкин, Г.М. Лаппо, Б.Б. Родоман. Что касается систем более высокого ранга (регионов-субъектов РФ), то анализ их пристольного положения представлен, как правило, фрагментарными, эскизными разработками небольшого числа исследователей. Нет даже четких развернутых определений понятия «пристольное положение», позволяющих очертить хотя бы его объем.

Известно, тем не менее, что суть этого явления переключается с рядом фундаментальных теоретических положений. Попытаемся раскрыть его через призму теории ЭГП, учения о границах, модели пространственных отношений «центр-периферия».

1. Пристоличное положение как особенность ЭГП. Инструментом для изучения регионального развития с точки зрения пространственного аспекта в отечественной экономической географии традиционно служит теория экономико-географического положения. ЭГП трактуют как положение какого-либо места по отношению к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение – все равно, будут ли это данности природного порядка или данности, созданные в процессе истории [4, с. 24]. Позже С.Е. Ханин несколько дополнил определение, приняв во внимание, помимо экономических, еще и социальные параметры [23].

Е.Е. Лейзерович предложил определение ЭГП как совокупности пространственных аспектов отношений объектов (стран, регионов, городов, сельских поселений) к другим экономико-географическим объектам, отношений существующих или прогнозируемых существующих для рассматриваемого объекта. Под пространственными аспектами отношений между экономико-географическими объектами понимается та часть экономических и социальных отношений между ними, интенсивность которых зависит:

- а) от экономического расстояния от объекта до объекта,
- б) степени их соседства,
- с) характера разделяющих границ – административных, государственных, политических [15, с. 28].

На суть и необходимость учета экономического расстояния между объектами при изучении пространственных отношений указывал Б.Б. Родман: «Пространственными аспектами отношений считаются те отношения и связи, интенсивность которых зависит от расстояния между объектами, степени их соседства, характера разделяющих их границ и промежуточных пространств. Расстояние измеряется не только единицами длины, но и, например, временем передвижения, затратами энергии, стоимостью проезда и перевозки; оно учитывается не только геометрически, но и топологически, не только континуально, но и дискретно, путем подсчета

звеньев, этапов, узлов, барьеров на возможном пути» [19, с. 15].

Итак, экономическое расстояние между объектами – одна из важнейших характеристик ЭГП. Без расстояния вообще между объектами нет категории положения. Вопросы измерения расстояний в географии усиленно обсуждаются. В прошлом им уделяли серьезное внимание такие ученые, как А. Вебер, И. Тюнен (согласно теории Тюнена, вывоз сельскохозяйственных продуктов на рынок приводит к подразделению территории на концентрические зоны разной специализации), В. Кристаллер (в основе его гексагональных построений лежал критерий экономии времени). Этими вопросами занимались В. Бунге, П. Хагетт, Д. Харвей, а из советских географов – Б.Б. Родман, Л.Л. Василевский, Д. Харвей, в частности, пишет: «Для того, чтобы постичь процессы, формирующие пространственные структуры, географам можно и нужно оценивать расстояния в терминах денежных издержек, времени в пути, возможности общественных контактов и т. д.» [17, с. 20].

ЭГП, таким образом, прежде всего содержит в себе идею пространственного отношения исследуемого ареала к вне его лежащим данностям. По словам И.М. Маергойза, таких отношений бесконечно много. Эту совокупность можно расчленить по трем направлениям.

1. Основные территориальные отношения, где различается: а) положение, как отношение данного объекта к элементам общественного производства – к месторождениям полезных ископаемых, экономическим центрам, путям сообщения и т. д.; б) положение как отношение к ареалу – центральное, интерареальное (меж), интрареальное (внутри), периферийное, глубинное, пограничное.

2. Производные территориальные отношения (отношение к экономическим линиям и фокусам).

3. Интегральное положение (интегральные территориальные отношения). В зависимости от территориального масштаба связей здесь можно выделить микро-, мезо-, и макроположение [17, с. 21].

Географическое положение территориально локализованного объекта, таким образом, можно характеризовать различными способами, но учитывать все вышеперечисленные варианты (которые далеко не исчерпывают весь возможный спектр) не представляется целесообразным. Исследуя ЭГП региона, необходимо

определить главное и в его сущности, и в его воздействии на наиболее важные стороны развития данной территории, поэтому, чтобы правильно охарактеризовать ЭГП того или иного ареала, необходимо отобразить именно те его пространственные отношения, которые действительно важны. Для пристоличного региона, при прочих равных условиях, таковыми являются, прежде всего, отношения со столичным регионом, наделенным столичными функциями (функции, обеспечивающие лидирующую роль столиц, центральные функции высокого ранга). Пристоличное положение может рассматриваться, таким образом, как один из видов ЭГП (через положение в ареалах). В этом случае оно представляет собой совокупность географических отношений, основным признаком которых является отношение к ареалам, наделенным столичными функциями.

И.М. Маергойз отмечает: «Характеристика ЭГП объекта сводится к выявлению комбинации многократных определений того, как исследуемая территория расположена по отношению к существенно важным для нее внешним данностям, взятым в причинно-генетической связи и последовательности» [16, с. 6]. Это утверждение указывает еще на два атрибута ЭГП.

Последовательность в изучении пространственных отношений необходима так как ЭГП – категория историческая. Его роль и последствия влияния в различных исторических условиях не однозначны. В ходе и результате исторического развития территориальные системы и их ЭГП постоянно изменяются под воздействием общих и детализирующих условий, стимулов и факторов, присущих данному этапу социально-экономического развития. В связи с этим ЭГП носит вероятностный (потенциальный) характер. Многочисленные примеры исторической изменчивости ЭГП содержат работы Н.Н. Баранского, И.М. Маергойза, Я.Г. Машбица, Е.Е. Лейзеровича и других ученых [3, 11, 14, 18]. По мнению Н.Н. Клюева, особенно резко изменяется положение территорий, соседствующих с интенсивно развивающимися регионами [12, с. 16]. В России к таким регионам относится, прежде всего, столичный.

Через систему отношений данного объекта с другими объектами, выделенными по признаку существенной важности, ЭГП предметно выявляет индивидуальные черты и свойства любой территории. Оно определяет многие наиболее важные особенности регионов,

свойства их неповторимости и индивидуальности. В данном случае уместно сослаться на Н.Н. Баранского, который отмечал: «Учет географической специфики является прямой и непосредственной обязанностью экономической географии, без выполнения этой обязанности она перестает быть самой собой, теряет свое лицо» [2, с. 156].

В экономической географии индивидуальные свойства территориальных систем выражаются через их функции. Прямая связь географического положения и функций территории отражена в одной из фундаментальных концепций географии – концепции «функции места» А.А. Минца и В.С. Преображенского. По мнению авторов, ее содержание может быть раскрыто следующим образом: «место, т.е. некоторая часть географического пространства, несет (или может нести) определенную функцию в жизни общества и таким образом удовлетворяет (может удовлетворять) определенную потребность (общества, части общества, человека)». В этом определении обращается внимание не только на современную, но и на потенциальную функцию места. Принципиально место может нести множество функций, как одномоментно так и последовательно. Вместе с тем, их набор и порядок ограничиваются возможностями места, его позиционными, функциональными и физическими свойствами. Принимая во внимание взаимную связь и равнозначность этих свойств, можно утверждать, что функция места прямо зависит от его географического положения, а в ряде случаев и определяется им.

Авторы концепции особое внимание уделяют тому, что во многих случаях возможность осуществления данным местом тех или иных функций зависит не только от его свойств, но и от функций, выполняемых смежными, иногда непосредственно прилегающими местами. Строго говоря, влияние функций соседних мест может также рассматриваться как одна из характеристик места. Применительно к пристоличному положению можно утверждать: через систему пространственных отношений между соседствующими столичными и пристоличными регионами выявляются индивидуальные черты и свойства территорий, а также их функции. Влияние функций столичного региона может также рассматриваться как одна из характеристик пристоличной территории.

В защиту данного утверждения можно привести еще один аргумент. В.П. Дронов предлагает

рассматривать ЭГП как систему рентных отношений, ссылаясь, в свою очередь, на мнение, выдвинутое И.М. Маергойзом «Установление различных видов ренты положения – один из путей количественной оценки ЭГП». При этом вводится понятие «рентного поля», которое индуцируется на территорию тем или иным объектом (местом), например, столичной агломерацией, близко расположенной государственной границей. Из совокупности объектов формируется совокупное рентное пространство территории. Суммарный рентный потенциал отдельных объектов количественно характеризует ЭГП, превращая его в рыночный ресурс [13, с. 78].

Таким образом, в контексте исследования взаимовлияния регионов особую важность приобретает так называемое «соседское положение», иначе говоря – характер ближайшего окружения. Эту закономерность отмечал еще Н.Н. Баранский, анализируя положение запада нашей страны, Промышленного и Черноземного Центра [2, с. 133–135]. Отмечая важность соседства, И.М. Маергойз предлагал региональным ЭГП считать совокупность соседства I и II порядка, и, кроме того, ограничить соседским положением I и II порядка анализ взаимосвязанности территориальных структур и ЭГП стран и районов [17, с. 39].

Главный смысл соседства в экономико-географическом плане заключается в возможности непосредственного взаимодействия приграничных районов смежных территориальных систем (в нашем случае – граничащих областей), а через них – территориальных структур хозяйства и инфраструктуры соседних регионов в целом. Следствием этого является существенное значение соседства для интеграционных процессов. Интеграция, в свою очередь, стимулирует развитие приграничных районов. Такие районы или, по крайней мере, отдельные их участки могут в ходе взаимодействия интегрирующихся регионов приобрести свойства зон контакта. Будучи результатом интеграции, эти зоны, выступая в качестве своего рода мостов, в свою очередь способствуют интеграционным процессам (продвижению интеграционных процессов в глубь соседствующих регионов). Объективная причина превращения приграничных регионов в такие зоны заключается в том, что здесь сочетаются выгоды соседства регионов в целом со специфическими выгодами пограничного характера. На отдельных участках этих зон совместно используются

ресурсы чисто местного порядка: организация маятниковых поездок на работу в соседние пограничные регионы, приспособление различных элементов инфраструктуры для взаимных общих нужд регионов, что можно назвать локальной интеграцией [17].

При оценке степени соседства обычно учитываются две его взаимосвязанные стороны: дистанционная и топологическая. Дистанционность измеряется расстоянием и служит мерой близости. Топологическая близость характеризует саму возможность непосредственного общения соседних стран или регионов. Она позволяет оценить меру взаимодоступности разных районов между собой.

Взаимодоступность соседних районов отражается в интенсивности, характере пространственных отношений и связей смежных ареалов, регулируемых придаточными элементами, одними из которых выступают географические границы.

2. Роль границы. Географические границы – особые пространственные образования, состоящие из элементов разграничиваемых ими географических объектов (в нашем случае – районов). На границах существенные свойства данного района сходятся и переходят в существенные свойства смежного района. Само определение выявляет диалектичность понятия. По сути, граница есть результат дискретного представления о реальности. Несмотря на это, она призвана не только разъединять и служить дискретизации явлений, но и обеспечивать континуальность. Континуальность и дискретность пространства дополняют друг друга, являясь его взаимосвязанными атрибутами. При этом континуальность предполагает плавные переходы, незначительные градиенты, отсутствие или размытость скачков, дискретность – подход к территории, как состоящей из резко очерченных тел, систем, феноменов, разделяемых значимыми, объективными и эмпирическими обнаруживаемыми рубежами. По словам крупного методолога отечественной географии В.Л. Каганского «поскольку преобладание одного из этих свойств вряд ли имеет место в реальном мире, но необходимо избрать одну из точек зрения, то удобно считать, что континуальность и дискретность – установки, реализующиеся при исследовании» [9, с. 9–10]. В результате такого исследования выявляется функциональная характеристика границы.

В отечественной географической литературе прослеживаются несколько точек зрения

относительно количества функций В.Л. Каганский выделяет барьерную, контактную и фильтрующую функции границы. В.Е. Шувалов рассматривает фильтрующую функцию как разновидность барьерной, противопоставляя последнюю контактной функции.

Границы, имеющие барьерные функции, являются весомыми районообразующими рубежами, сводящими взаимовлияние соседних регионов к минимуму. Контактная функция границы района обусловлена созданием на границе контраста, который усиливается проявлением ее барьерной функции и служит предпосылкой для возникновения различного рода обменных процессов между соседствующими регионами.

Таким образом, с динамической точки зрения, границы могут и гасить взаимодействие между смежными районами, и способствовать ему. Эти два диалектически связанных процесса проявляются с определенной последовательностью во времени и пространстве: преобладание одной из функций служит предпосылкой для последующего изменения функции границы на противоположную [9, с. 34].

В случае субнациональных границ говорить об их функциях можно с большими оговорками, поскольку все субнациональные границы по определению являются прозрачными и проницаемыми, если речь идет о едином государстве. Поэтому их барьерные функции резко ослаблены по сравнению с функциями внешних границ. Межрегиональная граница представляет собой, прежде всего, определенный управленческий барьер, так как означает смену юрисдикции субнационального уровня [22, с. 153]. Тем не менее, для субнациональных границ также характерны процессы и явления, порождаемые эффектом влияния близкорасположенной границы, заключаемые в понятиях «приграничное» или «трансграничное» сотрудничества. В узком понимании приграничное сотрудничество включает сотрудничество между непосредственно прилегающими к границе местными (и региональными) властями, направленное на решение узкого круга специфических проблем приграничных территорий.

Приграничное сотрудничество в результате длительного интеграционного взаимодействия обогащается более совершенной системой формализации возникающих при этом отношений, преобразуясь, таким образом, в трансграничное сотрудничество. И хотя трансграничное сотрудничество большей степени

характерно для государственных границ, процессы, ему свойственные, актуальны также для межрегионального сотрудничества. Трансграничное сотрудничество представляет собой одну из форм взаимодействия в различных областях, приводящее в ряде случаев к образованию единых трансграничных регионов, включающих территории соседних административных единиц и функционирующих по согласованным планам с учетом интересов каждой из сторон [7, с. 82].

В реальности происходит сращивание приграничных поселений в единые городские агломерации и формирование единых систем расселения и производства. Это вызывает необходимость совместно решать сложные проблемы, связанные с маятниковыми миграциями через границу, развитием общей инфраструктуры, охраны среды, распределением налоговых поступлений и т. д.

Таким образом, трансграничное сотрудничество представляет собой одну из высших форм проявления контактной функции границы, приводящей к образованию субрегиональных интеграционных структур. При этом граница выступает как субъект характеризующийся обособленным воздействием на состояние трансграничных взаимоотношений. Через это воздействие определяется специфика самого положения. Другими словами, свойствами и функциями границы во многом определяется не только содержание трансграничного взаимодействия, но и ЭГП территориально ограниченных систем.

3. Пристоличное положение сквозь призму пространственной модели отношений «центр-периферия». При оценке ЭГП какого-либо географического объекта большое значение приобретает ракурс «географической геометрии» – положение относительно узлов-фокусов социально-экономического пространства, экономических линий разного рода, ареалов, выделяемых по разным критериям и существующих в определенных границах [13, с. 77]. Нередко роль такого узла-фокуса выполняет главный город государства или аналогичного образования, являющийся центром экономической, политической, духовной жизни, отношения которого с окружающей территорией, не наделенной вышеперечисленными функциями, осуществляется в рамках модели «центр-периферия». Уровень социально-экономического развития регионов во многом определяется их поло-

жением относительно таких центров, а также характером и направлениям развития взаимоотношений между ними.

Классиком теории «центр-периферия», которая в самом простом представлении предполагает расслоение и поляризацию пространства на две части, считается Дж. Фридман. Главной задачей его работы была интеграция районного и городского направления региональных исследований, которые развивались параллельно и независимо друг от друга, не позволяя исследовать территорию в комплексе. В результате появилась теория комплексного исследования территории, включающей как городские центры, так и взаимодействующие с ними периферии (хинтерленды). Согласно этой теории, неравномерность экономического роста ведет к стратификации пространства и росту диспропорций в развитии [22, с. 53–54].

В этой системе центр представляет собой активно-доминирующее начало, место зарождения технологических и социальных нововведений, концентратор сложности, специфики и разнообразия. По определению Э.Б. Алаева, центр – это точка, связи которой с окружающей геотерией (периферией) функциональны, то есть нельзя назвать какой-либо объект центром, если у него нет связей с тем, центром чего он является. Если эти связи выражаются в распространении на периферии признаков центра, имеем очаг; если осуществляются центростремительные процессы – фокус [1, с. 73]. Оба случая показывают, что центр является началом, интегрирующим систему изнутри.

Понятие «центр» предполагает наличие ему противостоящей его дополняющей остальной территории, которая в данном случае именуется периферией (хинтерлендом). Согласно точке зрения В.Л. Каганского, периферия – это зависимая окраина, ресурсная база системы, характеризующаяся низкой плотностью населения, отсталостью, возможностью легкой эксплуатации со стороны центра.

Реальная же действительность достаточно сложна и противоречива, чтобы однозначно принимать эту точку зрения. «Чтобы между двумя территориями возникло взаимодействие, должен существовать спрос» [5, с. 131]. Поэтому центр и периферия развиваются, скорее, в условиях взаимовлияния, но при неизбежном доминировании центра.

Характер взаимодействия между центральными и периферийными структурами определяют направления потоков информации,

капитала, товаров, рабочей силы и т. д., превращая пространство в подобие силового поля.

Движущей силой, обеспечивающей постоянное развитие и воспроизводство системы «центр-периферия», является качественная трансформация центра за счет генерирования, внедрения и диффузии новшеств. Постоянную инновационную деятельность Дж. Фридман определил как ведущий фактор, определяющий доминирование центра над периферией. Его утверждение базируется на двух аспектах:

1. Постоянная инновационная деятельность создает благоприятные условия для ее дальнейшего развития именно в пределах центра, обеспечивая здесь максимальный доступ к информации, всевозможным связям и контактам, порождая целый ряд сопутствующих условий (сервисных, управленческих, рыночных и т. д.). Тем самым наряду с агломерационным эффектом вступает в силу некий психологический эффект, обуславливающий дальнейшую модернизацию и качественную трансформацию экономики центра.

2. В процессе инновационной деятельности центр посредством политических и коммерческих средств постоянно выкачивает разного рода ресурсы из периферийных районов, что также усиливает и закрепляет различия между ними, ослабляя периферию [24, с. 15].

Современное моделирование отношений по принципу «центр-периферия» исключает простой дуализм, описывающий поляризацию пространства на центр и периферию. Более совершенная методика предполагает три уровня вертикальной стратификации. И. Валлерстайн предлагает следующую троичную стратификацию территории: «центр/ядро – полупериферия – периферия». Характеризуя взаимоотношения этих трех уровней организации территории, И. Валлерстайн, так же как и М. Хечтер, использует термин «эксплуатация», полагая, что центр эксплуатирует периферию. Полупериферия рассматривается как промежуточное звено между центром и периферией, сочетает черты и того и другой, эксплуатируется ядром, но эксплуатирует периферию [22, с. 54–55]. Полупериферия – наиболее динамичное звено во всей иерархической системе, обеспечивающее стабильность, гибкость и эластичность системы, именно за ее счет происходит как правило, реорганизация пространства в периоды экономических кризисов. Однако, далеко не все районы, составляющие полупериферию имеют предпосылки для ускоренного развития.

В значительной мере это определяется происходящими в них политическими процессами. Это дает основание И. Валлерстайну утверждать, что полупериферия играет скорее политическую, нежели экономическую роль [24, с. 18]. Наличие среднего уровня в виде адаптивной (ближней) периферии, или полупериферии, имеет большое концептуальное значение. При таком подходе можно точнее и правильнее анализировать отношения между территориальными стратами.

Понятия «центр» и «периферия» с точки зрения управленческого подхода можно рассматривать, соответственно как управляющую и управляемую системы. При этом в роли центра выступает столица – главный город государства субъект наделенный властью, с которым связана «центральная» система ценностей – та, которую разделяют правящие элиты. Как правило, это месторасположение высших и центральных учреждений государства сосредоточение административных, промышленно-производственных, снабженческо-торговых, культурно-образовательных учреждений. В роли периферии – объект подчинения, местность (часть страны, республики, края, области), отстающая от центра в своем развитии. Степень подобноотставания в разных регионах различна [10, с. 26–36]. Предполагается, что отсталость периферийных экономик является не результатом бедности их ресурсов, экономической и политической безграмотности населения, политической нестабильности, а следствием зависимости от экономик центральных. В результате складывается ситуация, при которой в рядом расположенных, но принадлежащих разным областям, краям, республикам населенных пунктах существенно разные уровни жизни.

В рамках нашего исследования речь идет о периферии как о районе, который, хотя и соседствует со столичным регионом, представляет собой противоположность ему. Он сосуществует с ним по причине социально-экономической и структурной зависимости и дополняет влияние главного центра (столицы) на места наличием своего местного центра, влияние которого не выходит за рамки этого района.

В настоящее время одной из ведущих причин доминирования столицы над прилегающей периферией выступает тот факт, что столичные города являются полюсами глобализационных процессов. Это есть прямое следствие территориальной избирательности научно-технической

революции, о чем говорил еще Дж. Фридман. При такой ситуации развитие глобальных функций происходит на основе интеллектуального и материального потенциала столичных городов. В странах с переходной экономикой и в развивающихся странах это вызывает нарушение баланса отношений между столицами и периферией, поскольку в либеральной экономической среде естественные преимущества первых усиливаются глобальными процессами [6]. Одним из ярких примеров подобной ситуации выступает Россия. Высокая столичная централизация, помимо всего прочего, объясняется наследием прошлого развития и особенностями географического положения Москва как столица СССР занимала привилегированное положение в стране. Ее столичные функции формировались в условиях централизованного управления монополии государства на большинство видов хозяйственной и общественной деятельности. Это обусловило крайне высокую концентрацию управленческого персонала, научно-информационного и культурного потенциала, функций материально-технического снабжения торгового обслуживания. В свое время роль сыграло и центральное положение Москвы на Русской равнине, благодаря чему туда, как в воронку, втягивались ресурсы окружающей аграрной глубинки. Это, в свою очередь, противоречит мнению о том, что близость к хозяйственно развитым регионам является важным преимуществом территории, особенно если она соседствует со столичным регионом. Данное утверждение нельзя принять однозначно т. к. на развитие пристольного региона, сочетающего черты периферии и полупериферии, одновременно оказывают влияние противоположные по направлению процессы.

В направлении «преимущественно из центра на периферию» уместно выделить следующие из них.

1. Трансляция достижений. В научной литературе этот процесс получил название «диффузия нововведений (инноваций)» (Т. Хегерstrand, 1970). Под нововведениями понимаются целенаправленные изменения, вносящие в среду распространения новые, относительно стабильные элементы социального, экономического, политического характера, например, технологические усовершенствования, новые источники сырья и энергии, новые материалы, товары, услуги, вплоть до «новых идей» и т. д. К числу исследователей географических про-

явлений диффузии нововведений, помимо Т. Хегерстранда, который впервые разработал пространственную модель этого процесса, относятся целый ряд западных ученых-регионалистов: А. Пред, Х. Перлофф, Б. Берри, Дж. Фридман, Г. Ричардсон, Ф. Перру [24, с. 12].

Отечественные исследователи этого процесса, анализирувавшие районообразующую роль городов (П.М. Алампиев, Ю.Г. Саушкин, А.Г. Лис, Н.И. Коржов, С.А. Ковалев, И.И. Пархоменко, А.М. Колотиевский, В.В. Покшишевский, Э.В. Кнобельдорф), хотя и не использовали подобной терминологии, все же добились значительных успехов в осознании его причин, механизмов и следствий. По степени влияния на среду нововведения делятся на радикальные и модификационные. Первые вносят кардинально новые элементы и изменения. Вторые – изменяют, дополняют или комбинируют существующие формы жизнедеятельности среды без изменения фундаментальных принципов и основ.

2. Диффузия устаревших нововведений. Этот процесс можно рассматривать как частный случай трансляции достижений центра на периферию, тем более что результаты по сути один и тот же. Несмотря на это, по своему качественному содержанию эти два процесса различны. В ходе диффузии устаревших нововведений на периферию, сначала ближнюю, а затем дальнюю, постепенно вытесняются отрасли, не соответствующие более уровню центра (в данном случае мы подразумеваем под столицей главным образом экономический центр). В центре, по мере развития НТП, появляются новые функции, концентрируются новейшие наукоемкие отрасли и производства, появляются новые связи, а, следовательно, идет структурная перестройка экономической базы, сопровождающаяся сдвигами в квалификационном составе рабочей силы и социальном составе населения. Примером может служить стихийное вымывание из столичных районов Западной Европы старых отраслей промышленности, позже – рутинных трудоемких функций (в частности, научно-исследовательских).

В нашей стране имеется опыт создания пристольных наукоградов. Как правило, волнообразное распространение таких импульсов часто ведет за собой последующее развитие на периферии целого ряда новых видов деятельности, сопряженных с уже существующими. Здесь появляются свои очаги инноваций, хотя они зачастую больше связаны с ведущим центром,

занимая по отношению к нему подчиненное положение, чем с окружающей территорией. В то же время в центре сохраняются некоторые рутинные отрасли, связанные зачастую с обслуживанием базовых. Заполнение рабочих мест в таких малопrestiжных отраслях, не привлекательных для коренного населения, идет в основном за счет привлечения рабочей силы извне, т.е. из районов периферии. Кроме того, центр выкачивает и часть имеющегося там высококвалифицированного персонала, что ведет к дальнейшей «эрозии» рабочей силы. В результате, несмотря на постепенное подтягивание периферии, качественный разрыв между ней и центром сохраняется.

3. Давление места. Пристоличный регион испытывает на себе силу, которую Б.Б. Родман (1979) назвал давлением места, или позиционным давлением. Суть этого процесса заключается в том, что на географический объект вдоль силовых линий какого-либо географического поля действует некая сила, стремящаяся переместить объект в оптимальное местоположение – так называемый «локальный оптимум». Под воздействием такого давления легкоподвижные объекты изменяют свое местоположение, а менее подвижные – свойства, не способные к изменениям объекты деградируют [20]. В данном случае в качестве силовых линий выступают транспортные магистрали, ведущие к столице. Они несколько нарушают классическую схему – стройную линейную структуру, в которой господствует градиент и решающим фактором дифференциации среды выступает расстояние до центра. Показатели освоенности периферии, плотности населения, развития промышленности, связи, сельского хозяйства, дорожной сети снижаются при удалении от столицы.

Помимо транспортной сети стройность этой схемы нарушает каркас административного деления пристольного региона. Поэтому пристольная (и не только) периферия – это фрагментированный компонент системы. Соответственно и классическую линейную схему «центр–периферия» можно представить в виде ступеней «столица – центр региона – центр административного района – периферия».

Перечисленные выше показатели снижаются, как правило, в соответствии с этой схемой. При достаточно развитом гражданском сознании такая ситуация может быть весьма опасной. Высокоразвитые страны лишены

подобной опасности, т. к. экономическая активность в центре и на периферии практически одинакова, происходит доместикация труда, перемещение рабочих мест в жилые помещения. Качество среды жизнедеятельности людей само становится ресурсом производства.

Несмотря на градацию, эти три процесса взаимосвязаны и взаимообусловлены. Лишь по преобладающей в данный момент времени и в данном месте тенденции мы можем говорить о каждом из них в отдельности.

Хотя влияние центра на периферию имеет первостепенное значение, однако последняя также оказывает определенное влияние на центр. Оно заключается в том, что центры могут эффективно развиваться только при наличии периферии и во взаимодействии с ней. Периферия выступает в роли ресурсной базы системы, а само наличие слабой периферии обеспечивает существование достаточно сильного центра, который существует не только благодаря ей, но и за ее счет. При условии развитой линейной инфраструктуры колонизация центром периферии неизбежна и взаимовыгодна.

Таким образом, подводя итог вышесказанному теоретическим положениям, можно сформулировать несколько выводов, суть которых сводится к определению пристольного положения как совокупности пространственных аспектов отношений соседних регионов, один из которых наделен столичными функциями.

1. Столичный и пристольный регионы, с точки зрения пространственных отношений, являются друг для друга внешними данностями

и способны к обоюдному влиянию. При этом между соседствующими регионами устанавливается система отношений (существующих или прогнозируемых), существенных для обеих сторон. Интенсивность этих отношений находится в прямой зависимости:

- a) от экономического расстояния между объектами;
- b) степени их соседства;
- c) характера разделяющих границ.

Географические границы посредством своей функциональной характеристики способны и гасить взаимодействие между смежными территориями, и способствовать ему.

2. Пристольное положение может рассматриваться как один из видов ЭП (через положение в ареалах). В этом случае оно представляет собой совокупность географических отношений, основным признаком которых является отношение к ареалам, наделенным столичными функциями и взаимодействующими через границу.

3. Уровень социально-экономического развития любого региона во многом определяется положением относительно центра, периферией которого он является, а также характером и направлениям развития взаимоотношений между ними. Для региона, непосредственно граничащего со столичным, в качестве такого центра выступает главный город государства. Роль столиц в жизни прилегающих регионов особенно характерна для развивающихся стран и стран с переходной экономикой в том числе и для России.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983.
2. Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии / Под ред. В.А. Анучина и др. – М.: Мысль, 1980.
3. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Становление советской экономической географии. – М., 1980.
4. Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // География в школе. – 1939. – № 4. – С. 24–34.
5. Бунге В. Теоретическая география / Под ред. В.М. Гохмана. – М.: Прогресс, 1967.
6. Вардомский Л.Б. Москва и провинция: проблемы столичных преимуществ в контексте глобализации экономики России // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии: Сборник трудов / Под ред. Ю.Г. Липецца. – М.: ИГ РАН, 2001.
7. Ганзей С.С. Геоэкологические исследования международных трансграничных территорий юга Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. – 2004. – № 6. – С. 82–91.
8. Гапоненко А.Л., Полянский В.Г. Развитие региона: цели, закономерности, методы управления: Учеб.-метод. пособие. – М., 1999.
9. Географические границы / Под ред. Б.М. Эккеля. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
10. Иванов П.М. Можно ли избежать конфликтов в России? // Вестник РАН 2002. – № 1. – С. 26–36.
11. Иофа Л.Е. Тверь-Калинин // Вопросы географии. – сб. 49. – М., 1960.
12. Ключев Н.Н. Эколого-географическое положение России и ее регионов / ИГ РАН. – М., 1996.

13. Лаппо Г.М. География городов: Учеб. пособие для географ. ф-тов вузов. – М.: ВЛАДОС, 1997.
 14. Лейзерович Е.Е. Об особенностях влияния экономико-географического положения (на примере ряда крупнейших городов СССР) и некоторых возможных путей его учета в практических целях // Известия АН СССР. Сер. географическая – 1971. – №4. – С. 67–77.
 15. Лейзерович Е.Е. Понятие об экономико-географическом положении в российской экономической и социальной географии XX века // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии: Сб. трудов / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М.: ИГРАН, 2001. – С. 28–34.
 16. Маергойз И.М. К экономико-географическому изучению городов // Вопросы географии. Сб. 38. – М., 1956.
 17. Маергойз И.М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: Изд-во МГУ. 1981.
 18. Машбиц Г.Я. Комплексное страноведение. – М.–Смоленск, 1998.
 19. Родоман Б.Б. Позиционный принцип и давление места // Вестн. МГУ. – Серия 5. – География. – 1979. – № 4. – С. 14–20.
 20. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена. – 1999.
 21. Трейвиш А.И. Географическая полимасштабность развития России (город, район, страна и мир): автореф. дисс. ... док. геогр. наук: 25.00.24 / Трейвиш Андрей Ильич – М., 2006.
 22. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
 23. Ханин С.Е. Экономико-географическое положение поселений: проблемы, модели (часть 1) // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 5. – География. – 1994. – № 2. – С. 3–9.
 24. Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1991.
-
-

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Т.А. Казакова
(г. Москва)

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ИНДИКАТОРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Kasakova T.L.

THE SYSTEM OF INDICATORS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT FOR THE CENTRAL REGIONS OF RUSSIA WITH FERTILE SOILS

The author worked out the system of indicators of sustainable development, with the help of which the complex research of regional economic, social and ecological aspects is done.

Анализ большого числа публикаций по проблемам устойчивого развития позволяет сделать вывод о том, что наибольшую сложность вызывает формирование индикаторов устойчивого развития на региональном уровне. Это объясняется прежде всего сложностью взаимосвязей внутри региональной системы, несовершенством имеющейся статистической информации и разнородностью ведомственных данных на местах, а также особенностями географических, климатических, хозяйственных, социальных и других условий.

Основываясь на опыте разработки системы индикаторов устойчивого развития в трех российских регионах – Томской, Калужской и Кемеровской областях – полученном в рамках российско-британских проектов «Разработка индикаторов для оценки устойчивости процесса экономических и социальных реформ в Российской Федерации» (2001–2003 гг.), «Разработка концепции экологической политики Кемеровской области. Взаимодействие власти, бизнеса и общественности» (2000–2002 гг.) и «Научное обоснование, разработка и апробация региональных индикаторов устойчивого развития на примере Калужской области» (2003–2006 гг.), автор предпринял попытку создать специфичную систему

индикаторов для Центрально-Чернозёмного района. За основу формирования такой системы приняты следующие научно-методические подходы

1. *Комплексный экономико-географический подход*, учитывающий уровень совместности хозяйственного развития области с его природным потенциалом, гармонизацию направленности процессов развития природных и социально-экономических систем, экологизацию всех сфер деятельности на территории области, применение экологически приемлемых и природосовместимых технологий

Данный подход также позволяет определить экологические приоритеты и ограничения в развитии территории. В соответствии с подходом, индикаторы для оценки устойчивого развития Черноземья были классифицированы по уровням приоритетности и региональной специфике. Ключевые (базовые) индикаторы информируют пользователей о фундаментальных вопросах устойчивости и способны наиболее полно отразить ситуацию в регионе. К дополнительным индикаторам отнесены показатели, которые являются важными для региона, но не в такой степени, как ключевые. В число специфических индикаторов вошли те показатели, которые учитывают

особенности устойчивости развития областей и районов исследуемой территории.

2. Подход «нагрузка – состояние – ответная реакция» позволил дифференцировать индикаторы устойчивого развития:

- индикаторы нагрузки на окружающую среду, которые отражают степень прямого или косвенного воздействия хозяйственной деятельности людей на состояние и качество природных ресурсов;

- индикаторы состояния, характеризующие качество окружающей природной, экономической, социальной среды;

- индикаторы реагирования (со стороны общества), которые показывают эффективность и оптимальность предпринимаемых мер по снижению антропогенной нагрузки на природные объекты.

3. Согласно подходу «тема/проблема – индикатор» выбраны те индикаторы устойчивого развития, которые связаны с важнейшими проблемами в области эколого- и социально-экономического развития территории.

4. Создание интегральных (агрегированных) индикаторов позволило осуществить районирование региона в целом, а также комплексное районирование локального уровня по административным районам и определить наиболее неблагоприятные районы с целью принятия первоочередных мер и обеспечения эффективного управления в целях их устойчивого развития.

Исходя из понятия устойчивого развития и предложенных научно-методических подходов индикаторы устойчивого развития Центрально-Черноземного экономического района дифференцированы на следующие группы:

- индикаторы устойчивости состояния окружающей среды;

- индикаторы устойчивости экономического развития региона;

- индикаторы качества жизни населения.

В каждой группе в соответствии с выбранными подходами были представлены конкретные показатели устойчивости. Всего для ЦЧР с целью уточнения и анализа было предложено 33 индикатора оценки степени устойчивого развития, из которых 16 предназначены для оценки устойчивости экологической составляющей региона и 17 индикаторов – для оценки устойчивости социально-экономического развития.

При выявлении индикаторов устойчивого развития ЦЧР предлагается использовать три основополагающих критерия:

- приемлемость для принятия решений;

- аналитическая важность;

- измеримость и достоверность.

В соответствии с перечисленными критериями к индикаторам устойчивого развития Центрально-Черноземного района были установлены следующие требования:

1. Индикатор должен представлять собой единицу информации, которая может быть в форме:

- прямых измерений или базовых (абсолютных) данных (например, производство промышленной продукции в тыс. т);

- удельных значений или информации сравнительного характера в отношении других параметров (например, количество образовавшихся отходов в расчете на единицу валового регионального продукта (ВРП) или на душу населения);

- индексированных (относительных) данных или описательных данных и информации, приведенных к единицам измерения или представленных в форме, которая позволяет соотносить их с выбранным стандартом или базовым значением (например, индекс промышленного производства в текущем году в % к предыдущему году);

- агрегированных данных или описательных данных и информации одного типа, полученных из различных источников, собранных и представленных в виде комплексного параметра (например, общее количество определенного загрязнителя, выброшенного в атмосферный воздух в данном году, определяют суммированием выбросов этого вещества от стационарных и передвижных источников загрязнения атмосферы);

- взвешенных данных или описательных данных и информации, преобразованных с учетом коэффициента их значимости.

2. Идентификация индикатора должен предшествовать процесс тщательного отбора для того, чтобы показатель играл эффективную роль в отслеживании прогресса (регресса) и побуждал пользователей реагировать на отражаемые им реальности.

3. Индикатор должен характеризовать ход эволюции во времени, степень чувствительности к изменениям и направленность (положительную или отрицательную) происходящих изменений, а также непременно сопровождаться оценкой причин, объясняющих его динамику.

4. Индикатор должен обладать информативностью, доступностью для понимания и

полезностью для пользователей, простотой передачи информации (например, с помощью инструментов статистики или графического представления данных).

5. Целесообразно иметь ограниченное число индикаторов, что связано с разработкой системы приоритетов. Показатели должны быть ранжированы по уровням приоритетности для данного региона.

6. Информационной основой для определения индикаторов устойчивого развития должны выступать:

- имеющаяся государственная статистическая информация;
- официальная ведомственная информация.

7. Выбор индикаторов должен основываться на наличии соответствующих данных, на достоверности, точности, надежности (двойная проверка одного и того же результата или подтверждение из двух источников) информации, отражении реальной ситуации по рассматриваемому вопросу, частоте сбора данных, согласовании во времени.

8. При отборе индикаторов устойчивого развития региона необходимо учитывать трудности, связанные, в частности:

- с качеством дефицитом имеющейся информации;
- несоответствием методологии наблюдений международным требованиям;
- неполным охватом единиц наблюдения;
- «рассогласованностью» информации из различных ведомств (информация, полученная из разных источников и описывающая одно и то же явление, не стыкуется должным образом).

Таким образом, использованные научно-методические подходы позволили определить следующие основные индикаторы устойчивого развития для всего региона и для входящих в него областей:

1. Индикаторы состояния окружающей среды:

- а) распределение земельного фонда по категориям земель и угодьям;
- б) процент сокращения площади сельскохозяйственных угодий;
- в) доля площади эродированных земель от общей площади сельхозугодий;
- г) процент площади особо охраняемых природных территорий от общей площади региона;
- д) забор воды для производственных и хозяйственно-бытовых нужд;
- е) объемы использования поверхностных и подземных водных ресурсов;

ж) структура использования воды в разрезе отраслей экономики;

з) потребление воды на душу населения;

и) объем сбрасываемых сточных вод в поверхностные водные объекты;

к) объем и процент экономии воды в системах оборотного и повторно-последовательного водоснабжения;

л) объем затрат на охрану и воспроизводство водных ресурсов;

м) валовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от всех источников;

н) соотношение объемов выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников;

о) структура выбросов загрязняющих веществ в разрезе отраслей экономики;

п) выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников;

р) доля уловленных и обезвреженных вредных веществ в объеме отходящих от стационарных источников загрязнения атмосферного воздуха (в процентах и на единицу площади);

2. Индикаторы устойчивости экономического развития:

а) ВРП на душу населения;

б) доля инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования, в т. ч. по отраслям экономики (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, строительство, торговля);

в) объем выпуска промышленной продукции в сопоставимых ценах в % к предыдущему году;

г) объем выпуска продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах в % к предыдущему году;

д) основные фонды. Ввод и износ.

3. Индикаторы уровня и качества жизни населения:

а) численность незанятого населения, состоящего на учете в органах государственной службы занятости;

б) уровень безработицы (% от экономически активного населения);

в) среднемесячная номинальная начисленная заработная плата;

г) численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (% от общей численности населения);

д) жилищный фонд, в среднем приходящийся на одного жителя (кв. м);

е) среднемесячный размер пенсии, установленный в субъекте;

ж) коэффициент смертности и рождаемости;

з) коэффициент младенческой смертности;

и) коэффициент естественного прироста/убыли;
 к) ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин;
 л) заболеваемость (детская, общая и по видам).

На основании разработанной автором для Центрального Черноземья системы индикаторов устойчивого развития может быть проведено

комплексное исследование региона в экономическом, социальном и экологическом аспектах, с учетом специфических особенностей данного района. Проведение мониторинга по представленным показателям позволит выявить «сильные» и «слабые» стороны изучаемой территории, а также определить дальнейшие перспективы развития.

Библиографический список

1. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. – Екатеринбург: ООО «Издательство «У-Фактория», 2002.
2. Новая парадигма развития России (Комплексные исследования проблем устойчивого развития) / Под ред. В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. – Москва–Иркутск: Изд-во «Academia», 2000.
3. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко – М.: ЦПРП, 2001.
4. Устойчивое развитие дальневосточных регионов: эколого-географические аспекты. Сб. стат. Дальневосточного отделения РАН. – Владивосток, 1999.
5. Устойчивое экологическое развитие: региональные аспекты: Международный научный сб. – Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2001.

Г.А. Миронова
(г. Брянск)

НАПРАВЛЕНИЯ РАСШИРЕНИЯ ФИНЛЯНДСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Mironova G.L.

THE PERSPECTIVES OF COOPERATION BETWEEN FINLAND AND RUSSIA

The author analyses the perspectives of the cooperation between Finland and Russia in different spheres and singles out the main priorities which will help to improve the quality of this cooperation.

Сотрудничество между Россией и Финляндией в сопредельных регионах осуществляется на основе межправительственного Соглашения от 20 января 1992 г., регулирующего развитие приграничного сотрудничества на территориях по обеим сторонам российско-финляндской государственной границы. Сотрудничество развивается на Северо-Западе России: в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Основываясь на достигнутых результатах и богатом опыте многолетнего взаимного сотрудничества между Финляндской Республикой и Российской Федерацией, можно отме-

тить позитивную динамику двусторонних торгово-экономических и культурных отношений и обоюдную заинтересованность в дальнейшем развитии и углублении их на взаимовыгодной и долгосрочной основе. Учитывая произошедшие политические и экономические изменения в обеих странах, потенциальные возможности развития национальных экономик, стремление и возможности в расширении своего участия в международных крупномасштабных интеграционных процессах, в частности в рамках общеевропейского экономического пространства (ОЭП), нужно признать важное значение рассматриваемой в ЕС

концепции «Северное измерение» и особую роль Финляндии и России в практической ее реализации. В этой связи можно определить и наметить приоритетные направления стратегического партнерства между двумя странами на перспективу. При этом страны должны руководствоваться действующими между ними Договором об основах межгосударственных отношений от 20 января 1992 г., Соглашением о взаимной торговле и экономическом сотрудничестве и другими межправительственными и иными документами, связанными с двусторонними экономическими отношениями либо с регулированием их в различных областях¹. Необходимо придать важное значение вопросу практической реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, призванного поднять их взаимоотношения на качественно новый уровень².

Необходимо содействовать обеспечению благоприятных базовых условий для возможности осуществления самостоятельной предпринимательской, финансовой и инвестиционной деятельности всеми участниками внешнеэкономических связей, независимо от страновой принадлежности собственности и ее формы, с соблюдением общепринятых в мировой практике основных принципов рыночных экономических отношений. Для реализации совместных проектов следует принимать соответствующие меры по обеспечению их государственной правовой поддержкой.

Одним из приоритетов сотрудничества двух стран является строительство газопроводной магистрали из России через Финляндию в Европу и подключение ее к европейскому газовому кольцу что подчеркивает развитые связи между Россией и Финляндией в вопросах энергетики. Многолетний опыт совместной работы придает данной сфере сотрудничества особый статус. Учитывая предполагаемое увеличение потребления природного газа на Европейском континенте к 2010 г. в два раза по сравнению с настоящим временем, меры экологической безопасности, сокращение производства газа в Европе, строительство нового газопровода из Сибири в Европу послужит основой для создания североευропейской газотранспортной системы.

Освоение Штокмановского месторождения природного газа в центральной части Баренцева моря, запасы которого оцениваются в 1,8 трлн. куб. м газа и 17 млн. т конденсата, практически может изменить энергетическую карту Европы.

Стратегической перспективой нефтяного комплекса Северного региона и соответственно российско-финляндского сотрудничества в данной области является освоение Тимано-Печорского нефтяного месторождения. Целями сотрудничества являются поиск, разведка, разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений, маркетинг, транспортировка и реализация углеводородов а также внедрение экологически безопасных технологий и методов разведки и добычи.

В области электроэнергетики необходимо выделить два вида задач: тактические – ближайшего будущего куда включается реализация уже действующих проектов и соглашений, и стратегические – перспектива создания общего электроэнергетического кольца в рамках Балтийской энергетической системы. Задачами тактического плана являются успешное завершение строительства Северо-Западной ТЭЦ, расширение Выборгского преобразовательного комплекса, который служит основой для стабильных, увеличивающихся поставок электроэнергии в предстоящем десятилетии.

Строительство и модернизация объектов атомной энергетики на территории России, Финляндии и «третьих стран» – традиционно успешное направление их совместной деятельности. Сотрудничество в данной области дает возможность российским организациям участвовать в сооружении новой АЭС в Финляндии, финским компаниям – участвовать в модернизации и повышении безопасности действующих АЭС в Северо-Западном регионе России. Их совместный опыт должен использоваться также при проектировании и сооружении АЭС в «третьих странах».

Сотрудничество Финляндии и России в области экологии наиболее актуально, поскольку охрана окружающей среды, а также локализация и удаление уже образовавшихся загрязнений – одна из важнейших задач современности. При этом особое внимание необходимо уделять планированию мероприятий по охране

¹ Карпенко В.С. Политические и экономические отношения Российской Федерации с Европейским союзом на современном этапе / Дипломатическая академия МИД РФ; Институт актуальных международных проблем. – М., 2000. – С. 56.

² Лесников Г. Стратегия западноевропейской интеграции и отношение к России // Экономист – 1998. – № 1. – С. 85–91.

окружающей среды и развитию передовых технологий в этой области.

Важным также является развитие сотрудничества в области повышения радиационной безопасности. В этой связи можно перечислить следующие перспективные мероприятия, осуществление которых позволит вывести двустороннее сотрудничество на качественно новый уровень:

в области сотрудничества в повышении ядерной и радиационной безопасности в Ленинградском регионе и на Кольском полуострове, включая утилизацию ядерных отходов:

- модернизация существующих блоков Ленинградской и Кольской АЭС; проведение опытных и исследовательских работ для уточнения степени их безопасности;

- организация совместно с другими заинтересованными странами и организациями надежной обработки ядерных отходов на Кольском полуострове, первый шаг – сооружение системы временного хранения отработанного топлива;

- отработка системы превентивных мер: готовность системы оповещения об аварии, контроль, в том числе при пересечении госграницы, за ядерными и прочими радиоактивными материалами.

в области сотрудничества в использовании экологически чистых технологических процессов в производстве цветных металлов на предприятиях Северо-Запада России, включая очистку и переработку отходов:

- совместные работы по модернизации предприятий комбината «Печенга-никель», внедрение совместных природоохранных технологий;

- совместные работы по разработке и внедрению высокоэффективных технологий по переработке отходов предприятий цветной металлургии и их утилизации;

в области сотрудничества в охране Балтийского моря:

- планирование совместных мероприятий, направленных на предотвращение загрязнения воздуха, суши, водоемов и акватории Балтийского моря; проекты, оказывающие влияние на климат; сокращение трансграничных выбросов в атмосферу, связанных с производством энергии и ее потреблением, промышленностью, транспортом в регионе Балтийского моря;

- разработка мероприятий безопасности при перевозке опасных для окружающей среды грузов;

- развитие технологии очистных станций и оборудования для питьевой и сточных вод, секторов водоснабжения и канализации крупных городов на Балтийском побережье, в первую очередь Санкт-Петербурга;

- развитие технологии сортики, транспортировки и обработки отходов с целью уменьшения ущерба окружающей среде; целесообразное использование отходов

Необходимо расширять контакты между властями обеих стран в области охраны окружающей среды и природы с целью обмена информацией и опытом, а также развития и применения оправдавших себя методов в рамках Российско-Финляндской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству

Одной из наименее развитых областей является сотрудничество области производства машин, оборудования и другой технической продукции промышленного и бытового назначения. Важно отметить высокий технологический и технический уровень производимой продукции, весомый промышленный и экспортный потенциал металлообрабатывающей, электротехнической и электронной отраслей промышленности Финляндии. С учетом имеющихся в России свободных производственных мощностей, научно-технических возможностей и наличия высококвалифицированной рабочей силы в сфере производства машинотехнической продукции, и в первую очередь на предприятиях оборонной промышленности, создаются благоприятные базовые условия для развития двустороннего сотрудничества в области производства машин и оборудования по следующим основным направлениям:

1. Организация совместных кооперированных производств по выпуску современных видов машин и оборудования в России и Финляндии для предприятий топливно-энергетического комплекса, лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей отраслей промышленности, систем связи и телекоммуникаций, систем диспетчерского управления производственными комплексами, защиты окружающей среды.

2. Совместное проектирование и строительство разных типов судов, включая судаледового класса и морские плавучие установки для разведки и добычи углеводородного сырья на шельфе.

3. Участие финских компаний в реконструкции существующих российских судостроительных предприятий, в первую очередь

Выборгского судостроительного завода и ряда других верфей Северо-Запада России, с использованием современных технологий и технических средств.

4. Разработка и производство малогабаритных видов машин и оборудования для использования в промышленной и сельскохозяйственной сферах, что могло бы содействовать обеспечению надлежащих условий для дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства

5. Развитие производственных кооперационных связей, в том числе с использованием давальческого сырья и комплектующих деталей с обеспечением сторонами благоприятных условий для их стабильного функционирования

6. Обеспечение эксплуатации, модернизации и ремонта ранее поставленных из России в Финляндию специальных технических средств и оборудования

7. Организация в Финляндии совместного производства комплектующих изделий и запасных частей к специальным техническим средствам и оборудованию российского производства

8. Продажа российских лицензий и ноу-хау, обмен опытом и информацией в области разработок, производства, испытаний и эксплуатации новых видов специальных технических средств и оборудования оказание технического содействия в организации лицензионных производств

9. Проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по разработке на базе российских проектных организаций и конструкторских бюро новых систем специальных технических средств и оборудования с параметрами и характеристиками по требованию заказчиков¹.

Сотрудничества лесопользования, целлюлозно-бумажной и деревоперерабатывающей отраслях промышленности – одно из самых динамично развивающихся направлений. Сложившиеся традиционные торгово-экономические и научно-технические связи между Финляндией и Россией в области лесного хозяйства, лесозаготовительной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, производственных и технологических возможностей отраслей лесного комплекса двух стран создают предпосылки для дальнейшего совместного решения глобальной проблемы сохранения и восстановления лесного фонда, модер-

низации отраслевой производственной инфраструктуры, диверсификации взаимной торговли лесобумажными товарами. В дальнейшем необходимо развивать двустороннее сотрудничество в лесном комплексе в рамках следующих стратегических направлений:

1. Обеспечение устойчивого управления лесами и поддержание в них биологического разнообразия:

- лесовосстановление, вопросы генетики и селекции;
- мониторинг состояния лесов;
- инвентаризация лесных ресурсов;
- внедрение системы сертификации лесов;
- разработка баз данных по лесным ресурсам.

2. Техническое перевооружение и реконструкция лесозаготовительных, деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных предприятий России,

– привлечение финских инвестиций в лесной комплекс России; о расширение поставок в Россию финского оборудования, транспортных средств и технологий;

– создание совместных российско-финляндских лесопромышленных компаний;

– расширение системы гарантий для финских инвесторов в лесопромышленном комплексе России.

3. Диверсификация сотрудничества в области взаимной торговли и научно-технических разработок в отраслях лесного комплекса

– расширение применения долгосрочных рамочных соглашений в торговле древесным сырьем, продукцией деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности;

– создание совместных предприятий в области консалтинговых и инжиниринговых услуг в лесном секторе;

– научно-техническая кооперация в реализации целевых программ в области лесоводства, деревообработки и целлюлозно-бумажной промышленности;

– сотрудничество области сертификации готовой продукции лесного комплекса;

– расширение практики аренды лесных угодий с правом лесопользования и разработок с использованием различных видов совместной деятельности, в том числе лизинга.

Сотрудничества области сельского хозяйства и производства продуктов питания является исконным направлением, сохранившимся

¹ Иванов О., Поздняков В. Новые возможности России в Европейском союзе // Международная жизнь. – 1998. – № 3. – С. 25–31.

еще со времен СССР. Принимая во внимание накопленный опыт, сложившиеся традиционные торгово-экономические и научно-технические связи между Финляндией и Россией, схожесть природных и климатических условий, особенно сопредельных регионов двух стран, необходимо дальнейшее расширение и углубление совместной деятельности в указанных отраслях экономики. В связи с этим можно определить следующие приоритетные направления ее развития:

1. Использование опыта Финляндии в организации фермерских хозяйств и специализированных агропромышленных предприятий в России с целью повышения эффективности животноводческих и звероводческих хозяйств, увеличения урожайности зерновых культур объемов производства и качества плодово-овощной продукции.

2. Совместное проектирование, строительство и реконструкция сельскохозяйственных объектов и предприятий пищевой промышленности, включая обеспечение их средствами транспортировки, хранения и упаковки готовой продукции.

3. Кооперация в производстве машин и оборудования для сельского хозяйства и пищевой промышленности с привлечением научно-технического потенциала и мощностей, высвобождаемых в результате конверсии оборонных отраслей российской промышленности.

4. Совместная разработка технологии соответствующих комплексов серийного оборудования для перерабатывающих отраслей пищевой промышленности по выпуску высококачественной, экологически чистой продукции массового спроса с учетом соблюдения современных санитарных норм и медицинских требований, исключающих содержание в продуктах питания веществ и компонентов, наносящих ущерб здоровью потребителей.

Сотрудничество области транспорта, связи и туризма сохраняет свое огромное обоюдное значение, выступая одним из главных факторов развития двусторонних торгово-экономических отношений Финляндии и России. Многолетние традиционные партнерские отношения и стремление сторон к дальнейшему их развитию и углублению в том числе и на многосторонней основе, предопределяют дальнейшую интернационализацию перевозок пассажиров и внешнеторговых грузов в рамках взаимных связей, а также через их территории в «третьи» страны на основе использования

железнодорожного, автомобильного, водного и воздушного видов транспорта как на конкурентных началах, так и на условиях совмещения использования указанных видов транспортных средств. Этому способствуют географическое расположение стран, общность железнодорожной колеи, налаженность национальных транспортных инфраструктур и совместная организация их использования, в том числе Сайменского канала и внутренних водных систем с выходами на морские порты.

Сложившаяся структура грузовых и транспортных потоков в рамках двусторонней торговли, а также транзитных грузов позволяет рассматривать имеющуюся транспортную инфраструктуру обеих стран в качестве базы стратегического партнерства в обеспечении национальных транспортных систем как части общеевропейской сети. Подтверждением этому является решение ЕС о включении железнодорожной и автомобильной магистралей по маршруту Турку–Хельсинки–госграница–Выборг–Санкт-Петербург–Москва в общеевропейский транспортный коридор № 9 между столицами стран Северной Европы.

С учетом текущих и долгосрочных национальных приоритетов существует необходимость развивать стратегическое сотрудничество в следующих направлениях:

в области железнодорожного транспорта:

– модернизация сторонами железнодорожной магистрали «Хельсинки – госграница РФ» и «госграница РФ – Москва» с открытием на первом этапе скоростного пассажирского движения на участке Хельсинки–Санкт-Петербург;

– реализация совместной Комплексной программы развития пограничных станций на период до 2008 г. по обеспечению необходимой пропускной способности на участках Лужайка–Вайниккала, Вяртсиля–Ниирала, Светогорск–Иматранкоски, Кивиярви–Вартиус как основных транспортных артерий;

– завершение строительства пути на участке Ледмозеро–Кочкомаи открытие на нем грузового регулярного движения, что в дальнейшем можно считать частью рассматриваемого финской стороной Северного транспортного коридора, который мог бы напрямую соединить Северный и Уральский регионы России с Западной Европой через Финляндию, используя ее налаженную транспортную инфраструктуру и имеющиеся возможности портов на берегах Ботнического залива;

– расширение возможности использования контейнерных перевозок по маршруту Хельсинки–Москва с продолжением в страны Европы, Америки, Ближнего и Дальнего Востока, Средней Азии, в Китай и Японию;

– внедрение новых прогрессивных технологий, в том числе в организации контейнерных перевозок железнодорожным транспортом, в первую очередь на линии «Хельсинки–Москва»;

в области автомобильного транспорта:

– строительство и обустройство автомобильной магистрали «Турку–Хельсинки–госграница РФ» и «госграница РФ–Санкт-Петербург–Москва», являющейся частью общеевропейского транспортно-коридора № 9; строительство объездной дороги вокруг Выборга; строительство объездной дороги вокруг Санкт-Петербурга;

– строительство окружных дорог вокруг крупных населенных пунктов в Ленинградской, Тверской и Московской областях;

– гармонизация систем и стандартов, применяемых в ЕС и в России при организации перевозок тяжеловесных и крупногабаритных грузов;

– упорядочение системы тарифов и сборов, взимаемых с автоперевозчиков, независимо от страны их принадлежности;

– проработка возможности отмены разрешительного порядка осуществления перехода границы транспортными средствами и грузами;

в области водного транспорта:

– строительство и реконструкция морских портов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области;

– урегулирование порядка прохода судов по Сайменскому каналу и фарватеру Высок–Выборг и системы взимаемых сборов; унификация систем тарифов и сборов, взимаемых за прохождение судов во внутренних водах стран и предоставляемые портовые услуги, независимо от их страновой принадлежности, в том числе ЕС;

– расширение иностранного коммерческого судоходства северному арктическому маршруту с учетом применения новых технологий проводки судов в сложных ледовых условиях;

– рассмотрение возможности иностранного круизного и коммерческого судоходства во внутренних водах России, в первую очередь по маршрутам Волго-Балтийской системы до Каспийского и Белого морей;

– сотрудничество области разработки законодательных и нормативных актов, регули-

рующих вопросы судоходства и основывающихся на общепринятой международной практике;

в области воздушного транспорта:

– увеличение объемов перевозок на линиях «Хельсинки–Москва», «Хельсинки–Санкт-Петербург» и открытие новых авиалиний на региональных маршрутах;

– реконструкция аэропортов в сопредельных с Финляндией и прилегающих к ним регионах, а также по договоренности в других субъектах Российской Федерации;

– расширение использования трансполярной и транссибирской трасс для авиаперевозок между Европой и странами Азии и Америки;

в области туризма:

– создание надлежущей туристической инфраструктуры в Северо-Западном регионе России, а также на островах и побережье Финского залива;

– открытие внутренних водных систем России, на первом этапе – в Северо-Западном регионе, для захода иностранных маломерных судов катеров и яхт;

в области таможенного сотрудничества:

– строительство и обустройство погранично-таможенных пунктов пропуска на российско-финляндской границе, в том числе с возможным привлечением средств международных финансовых организаций;

– совершенствование форм и методов таможенного контроля за прохождением пассажиров, внешнеторговых грузов и транспортных средств на российско-финляндской границе, обеспечивающих уплату в полном объеме таможенных пошлин и налогов;

в области развития информационных систем на транспорте:

– создание новых решений и систем контроля за движением товаров в реальном времени на основе построения единой логистической сети в международной торговле, в частности, с российской стороны – в Северо-Западном и Московском регионах.

Для обеспечения конкурентоспособности и надежности внешнеторговых грузовых перевозок и снижения затрат в логистических операциях особую актуальность приобретает участие Финляндии и России в развитии телематики в управлении логистикой и поставками в международной торговле в рамках проектов ТЕДИМ по развитию интегрированных средств обработки и передачи информации. К приоритетным проектам ТЕДИМ относят:

в области железнодорожного транспорта – создание системы передачи электронных транспортных накладных между железнодорожными предприятиями;

в области водного транспорта – развитие информационных систем портов и объединение их в единую информационную сеть;

в области таможенного оформления грузов – упрощение порядка пропуска товаров через российско-финляндскую границу на основе применения электронных таможенных документов в стандартах ЭДИФАКТ с возможностью последующего подключения к данному сотрудничеству помимо сопредельных с Финляндией регионов, Москвы и Московской области;

в области развития телекоммуникаций:
– совершенствование имеющихся каналов связи и содействие введению новых между обеими странами;

– содействие расширению транзитных связей, проходящих через территории России и Финляндии в другие страны;

– совершенствование технических средств для улучшения качества обмена по различным информационным каналам, включая компьютерные;

– развитие и совершенствование использования современных технологий сотовой связи, постоянное расширение зоны уверенного приема.

Сотрудничество в сфере строительных услуг и производства строительных материалов наравне с сотрудничеством в пищевой области является наиболее развитым направлением. Принимая во внимание богатый опыт совместной деятельности Финляндии и России в данной области, накопленный в результате долговременного сотрудничества можно определить сферы дальнейшего расширения и углубления их совместной деятельности.

1. Использование опыта Финляндии при совместном проектировании, строительстве и реконструкции объектов производственного или социального назначения на территории России с применением современных энергосберегающих строительных материалов и технологий с возможной последующей эксплуатацией их с учетом интересов участвующих сторон.

2. Участие финских компаний в организации в российских регионах совместных производств по выпуску современных высококачественных и высокотехнологичных строительных материалов с учетом возможности их использования как в России, так и за ее пределами.

3. Строительство новых и обустройство ряда действующих объектов на территории Финляндии при содействии российской стороны, имеющей достаточный технологический и инженерно-технический потенциал и опыт строительства и модернизации энергетических, металлургических, портовых, дорожных и гидротранспортных объектов.

Совершенствование системы финансирования и кредитования, включая поддержку инвестиционного сотрудничества является основополагающим для дальнейшего развития российско-финляндской торговли в целом и экономического сотрудничества в частности. В этой связи необходимо изучать возможности более эффективного использования механизма финансирования совместных проектов, а также привлечения альтернативных международных и негосударственных источников финансирования для реализации крупномасштабных проектов, через активизацию взаимодействия между банковскими учреждениями двух стран.

Особое внимание необходимо уделять поощрению капиталовложений путем совершенствования соответствующих правовых актов, а также использования специализированных институтов кредитования и страхования.

Совершенствование системы содействия торговле и экономическому сотрудничеству – первостепенная задача в рамках той важной роли, которую играет для российско-финляндских отношений развитие сотрудничества между Российской Федерацией и Европейским союзом. Необходимо уделять особое внимание реализации положений Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС:

– признанию статуса России как страны с экономикой переходной к рыночной, в качестве главной меры по улучшению режима доступа российских товаров на рынок ЕС и дальнейшей интеграции Российской Федерации в мирохозяйственные связи;

– завершению переговорного процесса о вступлении Российской Федерации во Всемирную торговую организацию, скорейшему началу переговоров о создании зоны свободной торговли между Российской Федерацией и ЕС.

В рамках данной концепции очевидно, что либерализация двусторонней торговли между Финляндией и Россией с учетом соответствующих многосторонних международных торговых соглашений, участниками которых они являются, будет важным вкладом в общий

процесс гармонизации международных торгово-экономических отношений.

На данном этапе развития объем и структура товарооборота не в полной мере соответствуют производственно-техническому потенциалу обеих стран, поэтому необходимо принимать меры по увеличению товарооборота наукоемкой продукции, максимальной диверсификации номенклатуры экспортируемых товаров, развитию кооперации и совместному участию в реализации крупномасштабных проектов, в том числе в «третьих странах».

При этом с учетом всего вышесказанного видно, что имеются реальные возможности значительно увеличить объем взаимного товарооборота к 2008 г. С этой целью нужно создавать благоприятные условия для торговли и развития устойчивых экономических связей между регионами, организациями, предприятиями и фирмами обеих стран, а также способствовать заключению долгосрочных контактов и активному обмену информацией. Необходимо в наиболее полной мере использовать возможности механизма межправительственного сотрудничества, основными составляющими которого являются Российско-Финляндская межправительственная комиссия по экономическому сотруд-

ничеству и ее рабочие группы, а также осуществление постоянного обмена информацией и опытом между компетентными министерствами двух стран. Существенную пользу может также принести расширение взаимодействия между российскими и финляндскими отраслевыми и территориальными союзами и ассоциациями производителей и экспортеров.

Нужно всячески поощрять и поддерживать сотрудничество между малыми и средними предприятиями обеих стран путем совершенствования законодательства, инфраструктуры и институтов экономики (в частности, законодательства о налогообложении и бухгалтерском учете, социальном страховании, защите авторских прав), устранения административных препятствий на пути передвижения физических лиц, товаров, капиталов и услуг, создания системы кредитования и гарантирования совместных проектов малого и среднего предпринимательства.

Предлагаемые приоритетные направления стратегического партнерства Финляндии и России при соблюдении экономического интереса обеих сторон должны способствовать дальнейшему развитию двусторонних экономических отношений и их интенсификации.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

А.Б. Карачурина
(г. Москва)

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Karachurina L.B.

GEOGRAPHICAL LOCATION AND SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANTS OF MODERN GERMANY: POSSIBILITIES FOR RUSSIA

The article is devoted to the migration policy of Germany and to the migrants integration into the German society.

По мере увеличения масштабов международной миграции, ее экономические, социальные, культурные и политические последствия возрастают. Миграция может быть созидательной экономической и социальной силой, вызывающей приток работников, развитие экономики, обогащение культуры. Особенно ощутимые выгоды миграция приносит депопулирующим обществам со стареющим населением, каковыми сегодня является большинство развитых стран мира. Иммигранты с готовностью едут в такие государства и готовы предложить местным рынкам труда не только свои высококвалифицированные руки и головы, но и насытить рынок труда массовыми профессиональными навыками. Безусловно, значимы и отрицательные проявления миграции – незаконное пребывание, нелегальная работа, проявления этнической сегрегации, ксенофобии и расизма.

Концептуальная цель миграционной политики любой страны – создание таких институциональных, правовых и экономических механизмов, которые позволили бы сгладить ее негативные последствия, максимально «выпить» при этом положительные эффекты. Целый ряд европейских стран на протяжении уже довольно значительного времени, по-разному выстраивая свою миграционную систему,

пытается добиться эффективного социального и экономического оптимума в этой сфере. За последние 30–50 лет Европа – а именно там формулируется большинство миграционных заказов и политик (причем, типически разных) – знала разные по эффективности опыты.

Сложность и многогранность миграции как явления социального, пространственного, экономического, политического, этнического и пр., а также случающиеся неудачные опыты проведения миграционной политики привели к возникновению еще одного взгляда на миграцию и миграционную политику. Он заключается в том, что управлять миграцией трудно или почти невозможно, потому что миграция «живет собственной жизнью». Такая «созерцательная» позиция возникла во многом вследствие неумения тонко, не всегда прямыми мерами, управлять сложными миграционными процессами.

Опыт выстраивания миграционной политики послевоенной Германии противоречив. В нем, безусловно, много позитивного:

- умение быстро реагировать на меняющуюся международную общественно-политическую и миграционную ситуацию (чтобы понять это, достаточно обратиться к перечню международных соглашений и правительственных Постановлений в области миграции, принятых в стране в 1992, 1993 гг.);

- постоянно проводимое и законодательно закрепленное стремление из обширного массива людей, потенциально готовых переселиться в страну, выбрать этнически близких (этот в высшей степени полезный опыт не был вовремя взят на вооружение российскими миграционными институтами, а нынешние попытки его мобилизации в виде разработки государственной Программы переселения соотечественников, скорее всего, безнадежно опоздали);

- четкие и понятные мигрантам, несмотря на постоянные корректировки «правила игры» (это показывают интервью с переселенцами);

- выдаваемые различными политическими силами с различной степенью жесткости и популизма послы обществу. «Репатриация (иммиграция) есть и будет надо терпеть и подстраиваться под это явление»; распределение организационной, финансовой нагрузки и полномочий между различными уровнями власти.

Отдельного внимания заслуживает по-разному осуществляемая в разные исторические периоды времени, но постоянно проводимая политика интеграции мигрантов (хотя как отдельная законодательная позиция интеграция была закреплена только в Законе об иммиграции 2005 года). Начиная с 1950 г. она предполагает нечто среднее между вариантами компактного поселения и дисперсного размещения. Только в исключительных случаях мигрантов расселяют в новый для них тип поселений. Это существенно отличается от здешнюю ситуацию от столь распространенного в России 1990-х годов способа расселения горожан из Казахстана и Средней Азии в глухие сельские поселения России, с целью поднять глубинку или без такой цели, благодаря наличию там дешевого жилья (зачастую при полном отсутствии работы).

Вплоть до начала 1990-х гг. политика интеграции репатриантов была основана фактически на воссоздании гражданских судеб репатрирующихся немцев (перекройка на новый лад фамилий, отсечение неиспользующихся в Германии отчеств и т. п.), после которых переселенцы практически «растворялись» в категории «население». Многие вопросы решаются на уровне земель: землям отданы значительные полномочия в вопросах «брать – не брать» мигрантов и в каком количестве «брать». Разные интеграционные программы действуют для разных социальных и демографических групп мигрантов, выплачиваемые пособия направлены строго адресно, с учетом всех имеющих о конкретном переселенце фактов, свя-

занных с имущественным и материальным положением его и его семьи. Переселяющиеся имеют широкий доступ к необходимой информации, передающейся «некулуарным», а вполне официальным образом. Большое значение для всесторонней адаптации на местах имеют общины, причем они делают это не только по своему личному усмотрению и желанию, но и «с благославения» и по просьбе правительства страны. Так, в судьбе примерно каждого третьего еврейского переселенца деятельное участие принимала еврейская община конкретного населенного пункта.

В соответствии с новым иммиграционным законодательством вопросам интеграции, в т. ч. языковой интеграции, уделено приоритетное внимание. При всем внимании к адаптационной проблематике, процесс реального включения в германский социум для мигрантов (особенно средних и предпенсионных возрастов) остается весьма тяжелым и удается не всем. Только огромные усилия со стороны каждого отдельного человека, его неутомимое желание вписаться в новую жизнь, отсутствие боязни перед ранее несвойственной сферой деятельности в совокупности с работой государственных институтов позволяют адаптироваться в немецкой среде. Периодически случающиеся законодательные попытки изменения интеграционной политики (хотя только в Законе об иммиграции 2005 г. она была впервые официально артикулирована) связаны с невысоким интеграционным эффектом, серьезными проблемами с безработицей в среде мигрантов, сильными и ждичивенческими настроениями и т. п. Немецкий иммиграционный опыт ощутимее, чем опыт других принимающих государств дает понять российским миграционным институтам, что свои и интеграционные проблемы случаются даже там, где ими серьезно занимаются. И без серьезнейшего внимания к этим вопросам миграционная политика будет провальной почти наверняка.

Ниже предлагается один из сюжетов проведения немецкой миграционной политики – пространственное размещение и социальная адаптация мигрантов.

Принципиально в Германии признается право любого официально принятого переселенца жить на всей территории страны без каких-либо ограничений, что закреплено во «Всеобщей декларации прав человека» (1948 г., ст. 13). Однако на самом деле размещение прибывших мигрантов регламентируется Законом

1989 года о распределении по землям переселенцев (Aussiedler) и поздних переселенцев (Ubersiedler). Логика принятия закона исходила из «перенасыщенности» некоторых федеральных земель репатриантами. При этом отмечалось, что репатрианты середины – конца 1980–х гг. отличались крайне низким статусным и материальным уровнем, что ставило их в весьма затруднительное положение и предопределяло неустойчивость финансового положения города, имеющего высокую концентрацию мигрантов. В итоге по инициативе ряда городов и был принят «Закон о распределении». Реакция на поземельное распределение репатриантов первой половины 1990-х гг. была относительно спокойной тем более, что массового размещения в бедных восточных землях не происходило. Наличие существенных пространственных социально-экономических различий между восточной и западной частями страны способствовало тому, что в после 2000 г. распределение вновь прибывших иммигрантов по землям и закрепление за ними определенного места жительства стало одним из острых вопросов для переселенцев.

Существуют по сути отдельные «очереди» на иммиграцию в разные федеральные земли (например, ожидание получения разрешения на въезд в богатую Баварию в начале 2000-х гг. могло составлять 5–7 лет, в Северный Рейн-Вестфалию – 2–4 года). Привязка к назначенному населённому пункту может длиться многие годы, а то и вечно; реальное исполнение решения о назначении места жительства гарантировано выплатой социальных благ только по назначенному месту жительства.

Формально в основе распределения мигрантов по месту жительства лежит учёт интересов Федеративной Республики Германия. Конкретные цифры приёма в каждую землю зависят от финансовой силы, численности населения, развития инфраструктуры, интересов рынка труда и т. п. отдельных федеральных земель. Примерно в 1989–1990 гг. в числе главных

прагматичных принципов появляется следующий: приток мигрантов не должен приводить к конфликтам с местным населением и превышать финансовые и интеграционные возможности конкретных городов и общин. Личные пожелания переселенцев учитываются в ограниченной степени и только тогда, когда они преобладают над государственными интересами ФРГ. Типичным примером примата личных интересов можно назвать воссоединение семьи, когда родители хотели бы проживать в одном населённом пункте со своими взрослыми детьми. Не так отчётлив этот интерес прослеживается в отношении братьев, сестер и более отдалённых родственников.

В некоторых случаях направление в ту или иную землю может быть официально опротестовано. При этом в качестве основания для протеста не могут выступать климатические особенности, структурная и экономическая слабость отдельных регионов, а также провинциальная скука или отсутствие привычных городских развлечений, на которые жалуются расселённые в многочисленных маленьких немецких городках.

Сложившееся распределение мигрантов, представлено на рис. 1 и 2², выявляет безусловную attractiveness трёх западных земель: Северный Рейн-Вестфалия, Бавария и Баден-Вюртемберг – каждая из которых аккумулирует не меньше 1 млн. иностранцев.

Основная масса мигрантов, переселяющихся в Германию на постоянное место жительства (и воссоединяющихся турок, и евреев, и даже немцев – несмотря на то, что сейчас многие из них – выходцы из деревень Казахстана, Сибири и Поволжья), предпочитают оседать в городах (желательно западных земель). Тезис о миграции как феномене городов Западной Германии подтверждается данными об удельном весе иностранного населения в некоторых городах: Франкфурт-на-Майне – 28%, Штутгарт – 24%, Мюнхен – 23%, Кёльн – 19%, Гамбург – 15%, Берлин – 13%³. В отдельных городских

¹ Здесь иногда учитываются индивидуальные обстоятельства жизни людей: например, представленные доказательства длительного совместного проживания и взаимной поддержки в стране исхода, потребность в постоянном уходе и т. д.

² Немцы-переселенцы (3,5 млн. чел.) рассматриваются государством и соответственно органами статистики как граждане ФРГ, не влияя, таким образом, на статистические иммиграционные данные. Разумеется, в этой статистике нет и сезонных работников, нелегалов, число которых, по некоторым данным, достигает 1 млн. чел.

³ Берлин в этом списке – единственный представитель восточной части страны. Однако его attractiveness для мигрантов – «вопреки» географическому положению – связана со столичностью. Большинство других восточногерманских городов на территории Передней Померании, Тюрингии, Саксонии-Анхальт и др. земель – не пользуются популярностью у иностранцев.

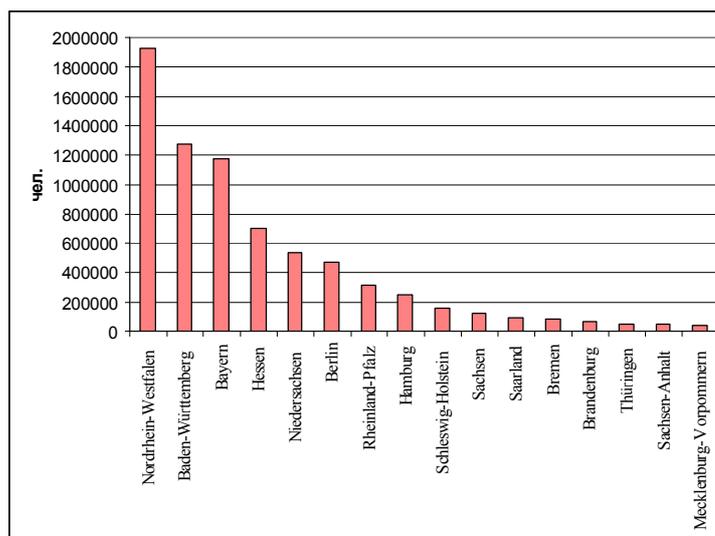

Рис. 1. Численность иностранного населения по федеральным землям ФРГ, чел., 2005 г.

Ист: http://www.statistik-portal.de/Statistik-Portal/de_jb01_jahrtab2.asp

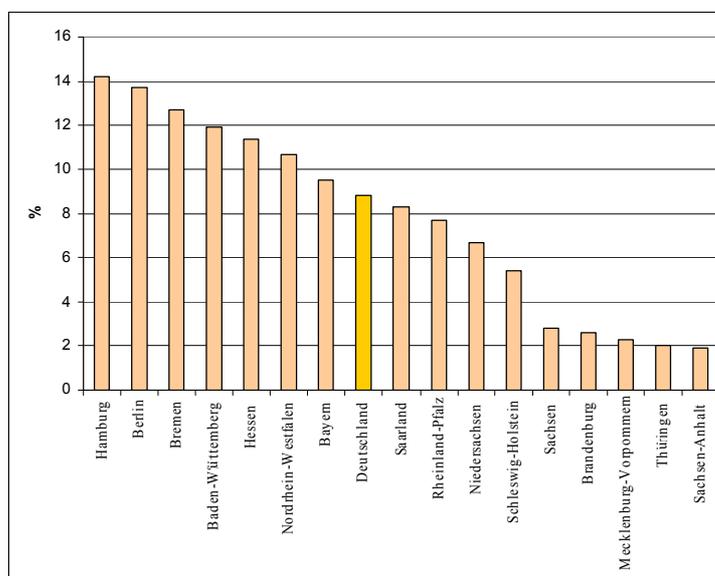

Рис. 2. Иностранцы в населении федеральных земель ФРГ, %, 2005 г.

Ист: http://www.statistik-portal.de/Statistik-Portal/de_jb01_jahrtab2.asp

районах доля мигрантов иногда достигает 60%. Пространственная концентрация в некоторых случаях приводит к возникновению т. н. «параллельных обществ» со своими системами норм и ценностей¹ (правда, как правило, концентрация носит добровольный характер: в виде этнических колоний, а не гетто).

Пространственное сосредоточение мигрантов в некоторых немецких городах является нередко одновременно следствием и одной из причин ряда социальных городских болезней:

- социально-экономической поляризации, выражающейся в росте спроса на высоко- и низкоквалифицированных работников в сфере

¹ Данные исследований группы д-ра Д. Нойтаца, Институт Восточноевропейской истории Albert Ludwigs-Universität Freiburg, Фрайбург, Германия.

услуг. И в то время как доходы первых растут, зарплаты вторых не хватает для обеспечения даже среднего уровня жизни. В качестве последствий для города выступают усиление структурной безработицы, возникновение социальных конфликтов

- комплексной социальной пространственной деградации, когда на ограниченной кварталом или городским районом территории воспроизводится клубок социальных, экономических, психологических, экологических и др. проблем; возникает «круг бедности», в который попадают дети так называемой «группы А»: Arbeitslose, Alleinerziehende, Ausländer, Arme – безработных, родителей-одиночек иностранцев, бедных, выросших в относительно замкнутой социальной среде с плохими школами, малым числом досуговых заведений, высоким уровнем социальной напряженности и преступности

При всей сложности подобных вопросов немецкое экспертное сообщество, а вслед за ним федеральные органы власти, готовы признать, что за социальные проблемы группы «А» ответственны не только и столько иммигранты, сколько другие социальные группы, само общество, его институты, не всегда эффективная политика взаимной психологической экономической, социальной поддержки.

Суммарная аттрактивность трёх западных земель (Северный Рейн–Вестфалия, Бавария, Баден–Вюртемберг) находится на уровне, превышающем 60% всех иностранцев Германии. Сама по себе цифра – фактическое свидетельство победы переселенцев над законодательным желанием государства поселить мигрантов в предназначенных им местах и один из законодательно-пространственных «уроков» для России.

«Урок» тем более важен, что десятилетие назад, во время принятия соответствующего законопроекта, депутатам Бундесрата и правительству казалось, что всё рассчитано тонко, но прочно: переселенцы, нуждающиеся в социальной помощи (а таких подавляющее большинство в еврейском потоке и много в немецком), смогут получать «social» строго по месту прикрепления в нужной государству пространственной точке. Законы (а социальная помощь нуждающимся выплачивается на ос-

новании Закона о социальной помощи и социального Кодекса) работают, но территориальная концентрация переселенцев не становится существенно меньшей.

Социальная помощь выплачивается мигрантам исходя из следующей логики: «Тот, кто не в состоянии собственными силами обеспечить свое существование или в силу сложившихся особых обстоятельств не может получить помощь от других, имеет право на персональную материальную поддержку, отвечающую его личным потребностям. Эта поддержка должна способствовать преодолению сложившегося положения, служить полноценному участию в общественной жизни и обеспечивать ведение достойного человека существования»¹. Таким образом, в законе закрепляются государственные гарантии получения помощи, право нуждающихся её требовать от государства а также то, что размеры помощи должны быть способны дать возможность человеку «достойно существовать». Однако применительно к иммигрантам (в т. ч. немцам-репатриантам) нормативные положения уточняются

- мигрант может получать «social», если он докажет, что у него действительно нет других возможностей «прокормить» себя, в т. ч. отсутствует жилье и бизнес на родине, нет материально успешных ближайших родственников;

- размеры социальной помощи иммигрантам должны быть такими, чтобы не наносить ущерба благополучию немецкого общества и не формировать негативного отношения к переселенцам со стороны местных жителей, т. е. существенно меньшими, чем у граждан ФРГ;

- иммигрант обязан приложить все усилия для самостоятельной адаптации, поиска вариантов трудоустройства способствующих двум благим целям – его включению в местный социум и отказу от «social».

Виды (от большего к меньшему размеру помощи: ALG I, ALG II и ALG II облегченный) и величина пособия сильно разнятся, зависят от многих факторов: возраста получателя, количества человек в семье, наличия детей и стариков, места учебы детей и др. Социальное пособие составляет примерно 250 € в месяц на главу семьи и 150 € на каждого её члена, срок выплаты пособия не ограничивается. Государство оплачивает также жилье из примерного расчета

¹ Социальный кодекс – Sozialgesetzbuch, § 9.

² например, при наличии богатого сына, отказывающегося помогать отцу, социальные службы предложат отцу юридическую помощь на судебном процессе с сыном, но не «social».

50 кв. м на главную семью и 10–15 кв. м на остальных членов, в зависимости от возраста и других критериев¹.

Таким образом, общий либерализм системы построения помощи переселенцам существует параллельно с её безусловной финансовой и институциональной жесткостью. Система социального обеспечения выстроена так, что предлагает самую минимальную «сеть безопасности», ограничивая возможности «полёживания на социальной лавке». Логика препятствия социальному «на хлебничеству» исходит из выбранной государством социальной модели, финансирование в которой идёт за счёт налогов, уплачиваемых работающим населением, а оказание социальной помощи в ней связано с (предыдущим) статусом занятости, когда неработающие или имеющие небольшой трудовой стаж индивиды получают незначительные пособия. Сама природа такого рода системы социального обеспечения делает её особенно зависимой от высокого уровня занятости. Итак, с одной стороны, именно уровень занятости становится фактором, предопределяющим возможности существования избранной социально-адаптивной системы. С другой стороны, расселение репатриантов в маленьких городах – с весьма узкими и профилированными рынками труда – препятствует возможностям трудоустройства иммигрантов. В таких городах, как Берлин, Мюнхен, Ганновер или Дюссельдорф без работы остаются только те, кто в самом деле сознательно решил не работать².

Таким образом, казалось бы, логично выстроенная система социального «пряника (предоставления помощи) и кнута (стимулирования к занятости)» в случае исполнения законодательных инициатив по распределению иммигрантов таит в себе макроэкономические проблемы и неустойчивость. Она усиливается под воздействием роста количества ходатайств

о выплатах «social». В период с 1980 по 2003 г. абсолютное число заявок иностранцев на социальную помощь выросло с 70 523 до 624 472, т. е. почти в 9 раз, а число немцев среди получателей социальной помощи увеличилось с 9 до 29,1%. При этом резко выросло и абсолютное число получателей социальных пособий – с 780 629 до 2 142 470 чел.³ (в 2,7 раза).

С принятием в 2005 г. Закона об иммиграции произошёл переход к более активным мерам по интеграции. Главенствующая роль была отдана языковой политике. Правительством было предложено создать за 17,5 млн. € 4 579 классов по обучению немецкому языку, кроме того, выделялось 31,5 млн. € на проекты общей интеграции на местном уровне⁴. Для ряда категорий мигрантов были отменены пособия по безработице. Это означало, что после истечения срока предоставления пособий по безработице ранее работавшие мигранты могут претендовать только на базовую социальную помощь. Новое законодательство также позволяет налагать санкции на получателей «social», которые не занимаются поиском работы или отказываются принимать предложения о временной работе, оплачиваемой из расчета 1 € в час. При этом конкретные меры по стимулированию активного поиска занятости фактически не определены. Проблемы с интеграцией иммигрантов на рынке труда остаются весьма острыми.

Имевшие место уже после принятия соответствующих немецких законодательных новшеств декабрьские события во Франции (2005 г.)⁵, придерживающейся принципиально схожей с немецкой системы социальной адаптации, явились поводом для новых инициатив. В июле 2007 г. был проведен второй интеграционный саммит с участием 86 представителей эмигрантских и других общественных объединений страны, на котором Глава

¹ Социальные службы предлагают переселенцам самостоятельно найти жилье, отвечающее ряду требований (размер квартиры, арендная плата, потребность семьи в особых жилищных условиях, состояние рынка жилья в данном конкретном районе), после чего процедура разрешения аренды визируется социальным инспектором. Достаточной считается квартира в недорогом районе со стандартным оборудованием и площадью не ниже социальной нормы (10–25 кв. м на человека).

² Речь, безусловно, не идёт о занятости строго по полученной или имевшейся ранее профессии, в большинстве своём репатрианты работают не по специальности.

³ Менц Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния // Прогнозис. – 2007. – № 1 (9). – 2 апреля 2007 г. <http://www.journal.prognosis.ru/a/2007/04/02/144.html>

⁴ см. там же.

⁵ Имеются в виду факты массовых поджогов, выступлений, грабежей со стороны групп населения, аналогичных немецкой группе «А», произошедшие в предместьях Парижа в декабре 2005 г.

правительства ФРГ Ангела Меркель представила новый интеграционный план. В его разработку совместно с немецкими политиками участвовали представители деловых кругов, спортивных организаций, церквей и объединений мигрантов. Документ представляет собой свод из 400 добровольных обязательств, которые берут на себя представители государства коммунальных властей и общественных организаций по содействию интеграции иностранцев и немецких граждан иностранного происхождения в трудовую культуру и общественную жизнь Германии. С 2008 г. на программы, способствующие интеграции иностранцев, Правительство ФРГ намерено ежегодно выделять 750 млн. €¹. Государство обязуется предоставить им возможность посещать интеграционные курсы. Правительства федеральных земель и коммунальные органы власти будут

привлекать детей иностранцев к обучению немецкому языку еще в детском саду. Торгово-промышленные палаты Германии и профсоюзы выразили готовность улучшить шансы иностранцев на рынке труда. Для этого планируется организовать специальные службы-консультации для молодежи мигрантов-бизнесменов.

Сколько продуманными, реальными и успешными будут эти инициативы – покажет время. Удастся ли при этом избежать «французского мигрантского пожара» и успокоить антимигрантски настроенную общественность, вывести иммигрантов на рынки труда без зарплатного демпинга; снизить социальное макроэкономическое бремя, но остаться «социальным государством»; наконец, стратегически и тактически оставить иммиграцию важнейшим демографическим ресурсом, находясь в рамках и демократии, и прагматизма?

Библиографический список

1. Бажанов Г.В. Вынужденная миграция: проблемы социального обеспечения мигрантов и практика их решения на примере Германии. http://student.ncstu.ru/Science/articles/hs/07/socio/10.pdf/file_download
2. Бараулина Т. Государственное конструирование реальности: социальные последствия миграционной политики // Рубеж: альманах социальных исследований. – 2003. – № 18; а также http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2003/12/27/0000141490/18_04.pdf
3. Бараулина Т., Карпенко О. Миграция и национальное государство (вместо введения) / http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Karpenko_Barauлина.pdf
4. Германия: Правовая информация: гражданство и статус <http://www.germany.ru/consult/status/paragraf.html>
5. Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Организационное устройство миграционной политики в ряде стран Запада: Германия // Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. ИЭПП. Научные труды. – М., 2003. – С. 125–141.
6. Конституции государств Европы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.А. Окуньковой. – М., 2001. – Т. 1.
7. Менц Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния // Прогнозис. – 2007. – № 1 (9). 2 апреля 2007 г. <http://www.journal.prognosis.ru/a/2007/04/02/144.html>
8. Невинский В.В. Гражданин и основополагающие принципы конституции Федеративной Республики Германии: Дис... д.ю.н. Екатеринбург, 1994.
9. Официальный сайт МВД Германии <http://www.bmi.bund.de>
10. Официальный сайт Федерального ведомства правительства Германии по миграции <http://www.integrationbeauftragte.de>
11. Официальный сайт федерального ведомства правительства Германии по делам беженцев <http://www.asyl.de>
12. Официальный сайт уполномоченного по делам миграции, беженцев и интеграции Федерального правительства <http://www.integrationsbeauftragte.de/>
13. Официальный сайт Федеральной службы статистики ФРГ (Federal Statistical Office of Germany). http://www.destatis.de/basis/e/bevoe/bev_tab.htm
14. Официальный сайт МИД <http://www.eng.bmi.bund.de>
15. Сайты Германского института урбанистики www.difu.de; www.kommunalweb.de
16. Сайт Германского союза городов www.staedtetag.de
17. Полян П.М. Опыт иммиграционной политики государства и положение иностранцев в Германии // Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции / Под ред. Г.С. Витковской. – Москва–Алматы: МОМ, 2004. – С. 34–74.
18. Пуэ Т. Социальная помощь для переселенцев и иностранцев из стран СНГ / Пер. с нем. – Франкфурт-на-Майне, 1989.

¹ <http://www.mn.ru/print/issue/2007-28-23>.

19. Салега Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 9. – С. 50–58; а также Демоскоп weekly. 2007. – № 299–300. <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/analit02.php>
20. Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. – 2003. – № 11.
21. Фасманн Х, Мюнц Р. Миграция как политический вызов // Internationale Politik. – 1999. – № 4. А также: <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/bibliothek/internationale-politik/1999-04/article01.html>
22. Чернова И.М. Сдвиги в структуре и географии населения послевоенной Германии под воздействием внешних и внутренних миграций: Дисс. ... к.г.н. – М., 2005.
23. Якобсон Л.И. Институты социальной политики: от «мягкости» к достижимым изменениям // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин; ГУ-ВШЭ. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005, Кн. 2.
24. Collett E. One Size for All? Tailored Integration Policies for Migrants in the EU // European Policy Centre Working Paper. – 2006. – № 24.
25. Entzinger П., Biezeveld R. Benchmarking in Immigrant Integration. Report for the European Commission. Rotterdam. 2003.
26. Germany, Immigration Act (2002). Act to control and restrict immigration and to regulate the Residence and Integration of the EU Citizens and Foreigners
27. How the Parties Differ over... Immigration // The Week. Issue 507. 16.04.2005.
28. Köppe O. The Leviathan of Competitiveness: how and why do liberal states (not) accept unwanted immigration? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2003. 29(3). S. 431–448.
29. Lepsius R. National und Nationalismus in Deutschland // Lepsius R. Interessen, Ideen, Institutionen. Opladen, 1990. S. 232–247.
30. Rubio-Marin R. Immigration as a Democratic Challenge. Citizenship and Inclusion in Germany and the United States. Cambridge, 2000.
31. Stephan W.G. An integrated threat theory of prejudice // Reducing prejudice and discrimination / ed. by S. Oskamp. Hillsdale, NJ, 2000, pp. 23–46.
32. Zusammen leben mit Ausländern: Aspekte der kulturellen Vielfalt in Deutschland: Portrats und Hintergrundberichte. – Bonn, 1995.

Е.В. Романова
(г. Москва)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

Romanova E.V.

THE PECULIARITIES OF REGIONAL CLUSTERS DEVELOPMENT IN EASTERN GERMANY

Eastern German regions used the federal budget for creation of excess places at the universities so as to stop the flow-out of young people to the West. This spendthrift policy gave the results: a number of high-tech clusters have been developed at the territory of former GDR. There are microelectronics cluster in Dresden and automobile clusters in Dresden, Chemnitz-Zwickau and Leipzig, cluster of plant biotechnology in Magdeburg, high-quality optics cluster in Thüringen, aerotechnics and railway engineering cluster in Berlin-Brandenburg, medical technics and shipbuilding in Greifswald, etc. The presence of regional clusters in Eastern Germany increased the competitiveness of Eastern German regions and gave them the high social-economic potential for development.

С последней четверти XX века важными факторами конкурентоспособности национальных экономик стали кластеры.

Кластер – это концентрация предприятий в границах определенной территории, преимущество функционирования которых обеспечивается

географической близостью кластерных фирм, обуславливающей более низкие издержки производства за счет использования общей научной и технологической инфраструктуры

В кластерах усиливается конкуренция между фирмами и повышается возможность использо-

вания временных альянсов для взаимного повышения конкурентоспособности компаний.

Региональные кластеры нового поколения включают не только группы географически локализованных предприятий одной отрасли, но и взаимосвязанные с ними компании: поставщиков оборудования комплектующих специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, дополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.

Опираясь на прорывы в научно-технологической сфере и интеллектуализацию основных факторов производства, развитые страны, взявшие на вооружение политику кластеризации своих экономик, смогли обеспечить за этот счет от 75 до 90% прироста ВВП. Сегодня доля ВВП США, производимого в кластерах (в т. ч. в знаменитой «Силиконовой долине») составляет порядка 60%. В трех японских префектурах: Фукуи, Ишикава и Тойяма создается более 85% объема производства синтетических волокон в стране¹.

Еще недавно кластеры были характерны в основном для наиболее развитых экономик. В последние годы наблюдается проявление этого феномена как в странах Восточной Европы (например, автомобильный кластер в Венгрии, созданный к 2000 г., обеспечивает 14% промышленного производства и 31% обрабатывающей промышленности страны), так и в развивающихся странах. Например, правительство КНР (кластер в провинции Гуандун – вокруг автосборочных производств, размещаемых японскими компаниями «Тойота», «Хонда» и «Нисан») планирует инвестировать 6 млрд. долл. в создание и развитие эксклюзивного индустриального города по производству автокомпонентов².

Согласно исследованиям Института экономики Общества Макса Планка, быстрорастущие регионы внутри новых федеральных земель Германии – классические примеры так называемой экономики кластеров. Это подразумевает наличие небольших по площади регионов, обладающих очень высокой концентрацией компаний, работающих в одной и той же или в смежных отраслях.

Рассмотрим это явление подробнее в контексте проводимой государством региональной инновационной политики, поскольку оно представляет значительный интерес с точки зрения эффективности хозяйствования.

Новые приоритеты федеральной региональной политики в отношении Восточной Германии. Следует отметить, что, несмотря на массивную поддержку Западной Германии, восточногерманская экономика по-прежнему находится в хронической зависимости от помощи на федеральном уровне. В рамках механизма финансового выравнивания общие суммы трансфертов в новые земли достигли за период с 1991 по 2003 г. около 1,3 трлн. евро. Почти наполовину финансовая помощь была израсходована на социальную поддержку т. е. на потребление, а не для интенсификации хозяйственных процессов. Однако это не приводит к сокращению безработицы на востоке страны, которая по отдельным структурно отсталым районам Восточной Германии достигает сегодня 25%. Эти показатели хуже, чем у большинства регионов новых членов ЕС. Причина в том, что значительная доля лиц предпочитает заработку пособие по безработице. При этом масштабные социальные выплаты можно рассматривать и как следствие экономической слабости народного хозяйства, не способного создавать достаточное количество рабочих мест.

Когда в середине 1990-х гг. экономический бум в Восточной Германии сменился едва заметным экономическим ростом (и даже отрицательным приростом ВВП в 2001 г.), назрело ощущение необходимости смены парадигмы социального финансирования на целенаправленную экономическую помощь. В ходе структурной перестройки хозяйства восточных земель немецкие власти пришли к выводу, что нецелевое перераспределение и слабо контролируемый расход средств привели к снижению эффективности использования финансовых ресурсов: восточногерманские коммуны получали средств больше, чем могли целенаправленно и профессионально израсходовать. Кроме того, выросла государственная задолженность и ухудшилась экономическая ситуация в самих западных землях.

¹ Япония – один из мировых лидеров по производству синтетических волокон (17,7% мирового экспорта в 2002 г.) Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – С. 82.

² Ежедневник «Экономический курс», июнь, 2006: <http://www.kurs-n.nnov.ru/23.06.2006/promyshl-1.html>

Одной из причин можно назвать различия в традициях самоуправления между западно- и восточногерманскими коммунами. Для первых характерна большая самостоятельность в принятии решений, в том числе в постановке и решении задач государственного уровня и осуществлении государственных инвестиций, вследствие чего и большая финансовая свобода. Роль местных органов власти в бывшей ГДР в системе государственного управления была менее значительной¹.

Другой проблемой структурной политики и политики занятости стал на первых этапах хозяйственных преобразований практически полностью перенятый преимущественно из Западной Германии инструментарий, который не учитывал специфические проблемы и особенности происходившей здесь системной трансформации, так как не имел подобного примера в старых землях². Например, в процессе восстановления экономики Восточной Германии невозможно было компенсировать масштабное сокращение занятости созданием новых конкурентоспособных рабочих мест.

Для поддержания конкурентоспособности восточногерманских предприятий государство использовало методы промышленной политики, т. е. для обеспечения скорейшего развития предприятий и отраслей хозяйства активно использовалась поддержка государства. Для предприятий Восточной Германии острой проблемой стало выживание в условиях мощнейшей международной конкуренции, с которой они столкнулись сразу после объединения, переняв институциональные нормы Запада. При этом, по подсчетам экспертов, если бы комбинаты и предприятия новых федеральных земель переводились последовательно в рыночный режим функционирования это повлекло бы за собой ликвидацию $\frac{3}{4}$ рабочих мест. Поэтому для защиты от конкуренции применялись государственные субсидии. Тем не менее, нельзя утверждать, что предоставление масштабной помощи «полуживым» восточногерманским акторам пошло им на пользу. Без давления конкуренции процесс адаптации восточногерманских предприятий только бы затянулся

Сохранившимся промышленным центрам едва ли был дан шанс для успешного экономического развития, наращиванию инновационного потенциала не придавалось должного значения³.

Предпосылкой для преодоления такой ситуации стало пристальное внимание в региональной политике к различным исходным условиям трансформации в новых землях и, отсюда вытекающим различным возможностям экономического развития. Эти попытки были сделаны как на уровне центральной политики, так и по инициативе регионов.

Регионы участвуют не только в межрегиональной конкуренции внутри страны, но и постепенно вступают в мировые конкурентные процессы. Поэтому новой парадигмой региональной политики государств в условиях глобализации становится переход от перераспределительных принципов к стимулированию эндогенных факторов развития регионов. Необходимо также большее взаимодействие между регионами разных уровней, уход от духа соперничества в вопросах международной конкуренции, синхронизация усилий по достижению единых целей.

Примером целенаправленного повышения конкурентоспособности регионов может быть кластерная политика, реализованная в Германии. Фактически это означает, помимо прямого субсидирования, создание условий, благоприятных для развития инноваций и производства высокотехнологичной продукции.

Создание кластеров строится на эмпирически хорошо обоснованной рабочей гипотезе, говорящей о том, что «лучшие шансы и перспективы имеют те регионы, где все участники (акторы), включенные в цепочку создания материальных ценностей – научные учреждения, исследовательские институты, образовательные заведения, финансовые круги, а также политики, администрации и общественные объединения, – сотрудничают гибко и сообразно спросу. Таким образом, экономический и инновационный профиль региона станет решающим конкурентным фактором»⁴.

¹ Баранова К.К. Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. – М.: Дело и Сервис, 2000.

² Ziegler A., Gabriel H., Hoffmann R. Regionalisierung der Strukturpolitik. Hans Böckler Stiftung. – Marburg: Schüren, 1995. S. 133.

³ Романова Е.В. Социально-экономические последствия расширения ЕС на восток для новых федеральных земель Германии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук – М.: Институт Европы РАН, 2005.

⁴ Хаусберг Б. руководитель Центра технологии VDI.

Развитие инновационного потенциала и инновационная политика в Восточной Германии. Особый интерес вызывает развитие инновационного потенциала восточногерманских земель, который при сохранении заметных региональных различий, существенно вырос в целом, благодаря структурным изменениям в наукоемких отраслях производства, научной исследовательской деятельности в экономике, инновационной активности предприятий, а также динамике предпринимательского ландшафта в наукоемких секторах хозяйства. В то же время сохраняется значительное отставание, в сравнении с Западной Германией, по многим важным индикаторам экономического развития, в том числе по доле ВВП и занятости, экспортной квоте и производительности труда.

В настоящее время доля занятых в научно-исследовательском секторе составляет 1–2% в Восточной Германии и около 2% в среднем по западногерманским землям. В то же время в Восточной Германии больше, чем в западных землях, лиц, получивших профессиональную подготовку а также лиц с высшим образованием. Прежде всего, они заняты в наукоемких отраслях обрабатывающей промышленности. На общеевропейском фоне Восточная Германия выгодно отличается как от новых членов ЕС, так и от других отсталых регионов Западной Европы, в большинстве из которых этот показатель не превышает 1%.

Вопреки существующему мнению, доля предприятий, производящих инновационную продукцию, на востоке Германии даже немного выше, чем на западе. Этот, на первый взгляд, неожиданный результат объясняется различиями в отраслевой и производственной структуре в обеих частях страны. По некоторым исследованиям рынка, восточногерманские инновационные предприятия имеют более высокую в процентном соотношении долю товарооборота новинками в сравнении с Западной Германией. Значительные различия возникают при оценке отдельных отраслей.

В Восточной Германии высокая доля предприятий, производящих инновационную продукцию, характеризует менее технологичные и перспективные отрасли хозяйства (пищевкусовая промышленность, текстильная промышленность и производство одежды, деревообрабатывающая, бумажная и полиграфическая промышленность, производство стекла и керамики, промышленность органического синтеза и резинотехническая).

При этом, в Восточной Германии сокращение производственных расходов за счет нововведений значительно меньше, чем в Западной Германии (менее половины уровня производственной рационализации западногерманских фирм). Это означает, что инновационная эффективность восточногерманских предприятий ниже, чем западногерманских фирм.

Современная инновационная политика в отношении новых федеральных земель стоит перед тройным вызовом: необходимо разработать подходы и инструменты для адаптации и модернизации инновационной системы, согласовать их применение с многочисленными заинтересованными участниками, все эти процессы должны идти в условиях сокращающихся субсидий со стороны государства.

В настоящее время используется обширный государственный инструментарий поддержки инновационного сектора экономики, который основывается на трех компонентах: содействие внедрению научно-исследовательских результатов в экономику, развитие кооперации между наукой и бизнесом, содействие в развитии новых инновационных предприятий и мелкого и среднего бизнеса.

Центральным инструментом в интенсификации научно-исследовательских результатов в промышленности является специальная программа содействия научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам (НИОКР) как широкоформатная платформа для улучшения отраслевой структуры. В программу было включено около 40% всех восточногерманских занятых в сфере развития и внедрения НИОКР в 2003 г. Программа принесла немало положительных сдвигов, но существуют опасения, что достигнутые благодаря ей высокие результаты в сфере НИОКР едва ли окажутся устойчивыми без продолжения финансирования. При этом препятствием для более эффективного использования инноваций в экономическом развитии являются особенности производственной структуры новых земель. Едва ли найдется еще пример другой индустриальной территории, где инновационный потенциал строился бы в такой значительной степени на деятельности малых и средних предприятий, как в новых федеральных землях Германии.

В исследовательских центрах Восточной Германии около 70% сотрудников занято на малых и средних предприятиях, в то время как в Западной Германии они работают в основном в крупных фирмах.

Другая особенность Восточной Германии – высокая доля высококвалифицированных специалистов в секторе услуг. Она составляет 17% в сравнении с 3% в Западной Германии¹.

Поскольку в этом секторе производства наблюдается особенно острая конкуренция, большинство инновационных предприятий Восточной Германии возникло и существует только благодаря государственному инновационному содействию. Около $\frac{9}{10}$ всех предприятий Восточной Германии (на западе около $\frac{1}{3}$) имеют финансовую поддержку от государства.

Развитие кооперации между промышленными предприятиями и научными учреждениями также существенно повысило конкурентоспособность восточногерманских предприятий, участвовавших в развитии кооперационных инновационных сетей. При этом важной сопутствующей целью этой программы стала смена методов работы (благодаря трансферу знаний), расширение компетенций (благодаря кооперации между различными акторами) и общее снижение препятствий на пути межпроизводственной кооперации.

По-прежнему поиск собственного и заимствованного капитала для НИОКР и инноваций является одной из главных проблем для развития инновационных предприятий в новых федеральных землях. В связи с этим инициатива ЕС в сфере софинансирования частных инвесторов в рамках нового фонда начального капитала дает устойчивые предпосылки для повышения конкурентоспособности предприятий. Из-за значительной задолженности большинства восточногерманских предприятий, работающих в сфере НИОКР, расширение собственного капитала является неотложной мерой.

На земельном уровне была признана необходимость способствовать изменению отраслевой структуры предприятий и реорганизации экономики в целом путем содействия внедрению инновационной продукции и методов работы на предприятиях. В настоящее время в каждой новой федеральной земле действуют программы по развитию НИОКР и инноваций, прежде всего, направленные на помощь малым и средним предприятиям, содействующие образованию новых фирм, а также внешних учреждений по разработке промышленных инноваций. Земельные программы ориентированы на проекты по развитию технологий

определенных секторах, усиливающих конкурентные преимущества региона, а также содействующие образованию и развитию региональных кооперационных сетей. Вопрос о финансировании решается индивидуально в зависимости от размеров предприятий, объемов обеспечения собственным капиталом, технологической специализации и целей региональной политики федеральной земли.

Таким образом, высокий уровень наукоемкости производств в новых федеральных землях, как и большая доля занятых, обеспечиваются за счет существенной государственной помощи, поэтому восточногерманские предприятия сферы НИОКР не могут вступить в реальную конкуренцию с западными производителями в данном секторе экономики.

На общеевропейском фоне Восточная Германия имеет достаточно весомые позиции в сфере высоких технологий. Хотя она и отстает по ряду важнейших показателей от развитых регионов Западной Европы, но среди структурно отсталых регионов ЕС занимает лидирующие позиции. По количеству регистраций патентов в области информационных и коммуникационных технологий Восточная Германия с показателем в 10–50 регистраций на 1 млн. занятых (по данным 2002 г.) опережала все восточноевропейские страны, где они составили в том же году менее 10 на 1 млн. занятых. Примечательно, что здесь этот показатель выше, чем в других структурно отсталых западноевропейских регионах – в Испании (кроме Каталонии и Мадрида), на юге Италии, а также в Греции и Португалии, количество регистраций патентов в которых сравнимо с показателями Восточной Европы.

Формирование региональных кластеров в Восточной Германии. В 2004 г. Институт экономического развития Галле исследовал структуру размещения центров инновационного развития, территориально сконцентрированных промышленных отраслей хозяйства и кооперационных сетей предприятий в регионах Восточной Германии. На основании полученных данных об этих трех составляющих был выделен целый ряд развитых и формирующихся региональных кластеров в Восточной Германии. При этом ведущие промышленные отрасли в регионах определялись по доле занятых в них на одном или нескольких промышленных

¹ Zweiter Fortschrittsbericht wirtschaftswissenschaftlicher Institute über die wirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland / Sonderheft des IWH. – Halle, 2003. – № 7. – S. 14.

предприятиях¹ в пределах одного административного района от общего числа занятых в отрасли в Восточной Германии. Эмпирический анализ показал, что такие специализированные промышленные центры присутствуют во многих восточногерманских регионах. При этом здесь значительно ниже, в сравнении с западногерманскими регионами, доля лиц, занятых в обрабатывающей промышленности, доля занятых в сельском и лесном хозяйстве, строительстве и государственном секторе сравнительно больше, чем на западе.

Под кооперационными сетями предприятий понимается институциональная кооперация между предприятиями и другими организациями (минимум 3 партнера), основанная на интенсивных коммерческих связях и обмене информацией. Данные были получены с помощью Интернет, а также опроса экспертов. Обнаружилось, что более половины предприятий имеют кооперационные связи с государственными научными учреждениями. Две трети из них финансировались на момент экспертизы из государственных средств. Особенно большое количество кооперационных сетей предприятий было выявлено в крупных городах (в Восточной Германии около 280)². В первую очередь, это 2 крупные агломерации – Берлин–Потсдам и Юго-Восток, так называемый «Саксонский треугольник» (Дрезден, Хемниц–Цвиккау, Лейпциг–Галле).

Важным элементом эффективного экономического развития является способность предприятий и регионов создавать специфические инновационные продукты и методы, которые имеют высокий спрос на рынке. Центры инновационного развития были выделены с помощью данных о регистрации патентов³, а также проведенных письменных опросов. За исключением Берлина, все восточногерманские регионы по этому показателю отстают от уровня регионов Западной Германии. Достаточно высокими значениями были

отмечены следующие планировочные регионы⁴: Верхняя долина Эльбы/ Восточные Рудные горы, Берлин, Восточная Тюрингия, Хемниц–Рудные горы, Хафельская возвышенность⁵.

Анализ отраслевой структуры патентов показал, что наибольшая доля восточногерманских патентов в общем объеме немецких патентных регистраций наблюдается в области неорганической химии, а также в секторе биотехнологий, сахарной и кожевенной индустрии. Также несколько выше среднего восточногерманского уровня во всем общегерманском объеме патентов восточногерманские доли в области электротехники, электронной контрольно-измерительной техники, оптики и фотографической техники⁶.

Инновационная деятельность концентрируется в наиболее промышленно развитых районах, особенно в окрестностях Берлина, а также в Тюрингии и Саксонии. Лидирующие позиции по всем исследуемым показателям занимают крупные агломерации. В Берлине и его окрестностях, а также в Дрездене размещаются предприятия высокотехнологического профиля, представляющие сферу услуг в то время как в регионах Центральной, Южной и Восточной Тюрингии, а также в районе Хемниц–Рудные горы размещаются предприятия передовых высокотехнологичных отраслей хозяйства. В Саксонии – микроэлектроника и информационные технологии, производство технологического оборудования и новых материалов, автомобильной техники, биотехнология и производство экологического оборудования. Наибольшее число предприятий специализируется в различных отраслях машиностроения и производстве автомобилей (по 450 предприятий с числом занятых 34 тыс. и 62 тыс. человек, соответственно). В микроэлектронике работает до 200 предприятий с числом занятых в 20 тыс. человек и 150 предприятий зарегистрировано в сфере биотехнологий (число занятых – около 6 тыс. человек).

¹ До 7 предприятий. Innovative Kompetenzfelder, Produktionsnetzwerke und Branchenschwerpunkte der ostdeutschen Wirtschaft. Forschungsauftrag des Bundesministeriums für Verkehr, Bau und Wohnungswesen // IWH-Pressemittteilung von 2. November 2004. – Halle. – № 37.

² Zweiter Fortschrittsbericht wirtschaftswissenschaftlicher Institute über die wirtschaftliche Entwicklung in Ostdeutschland / Sonderheft des IWH. – Halle, 2003. – № 7.

³ Количество патентов на 100 тыс. жителей

⁴ Raumordnungsbezirke (нем).

⁵ пер. с нем.; оригинальные названия: Oberes Elbtal/Ostertzegebirge, Berlin, Ostthüringen, Chemnitz-Erzgebirge und Havelland-Fläming.

⁶ Prof. Dr. Martin T.W. Rosenfeld, Dr. Peter Franz u.a. «Innovative Kompetenzfelder, Produktionsnetzwerke und Branchenschwerpunkte der ostdeutschen Wirtschaft» im Auftrag des Bundesamtes für Bauwesen und Raumordnung. Endbericht Halle/Saale, Oktober 2004.

Ведущие отрасли машиностроения из представленных здесь – это производство металло-режущих станков, насосных и компрессорных установок, подъемно-транспортного оборудования. Наибольшая концентрация предприятий машиностроения наблюдается в районе Хемниц–Цвикау. Предприятия автомобилестроения и поставщики автомобильных запчастей размещаются преимущественно вокруг крупных агломерационных центров Саксонии. Сборка автомобилей марки «Фольксваген» (предприятие OEM¹) производится в Дрездене, Хемнице, Цвикау, «БМВ» и «Порше» – под Лейпцигом. Предприятия по производству биотехнологической продукции размещаются преимущественно в Дрездене и Лейпциге.

В Дрездене исторически сложился широкий спектр наукоемких производств – электроники, общего машиностроения, точной механики и оптики, фармацевтики. Возникшие здесь еще в годы существования ГДР центры НИОКР послужили основой модернизации хозяйственной структуры. Так, Институт молекулярной электроники был основан в Дрездене еще в 1961 г., позднее он превратился в ведущий в восточноевропейском блоке центр по исследованию, развитию и производству ZMD. Основным направлением структурных преобразований в Дрездене после объединения Германии стало развитие электротехнической и электронной отрасли, которые и ранее играли весьма заметную роль².

Сегодня это главный организационный и производственный центр развития микроэлектроники. В 1994 г. концерн «Сименс» основал в городе свой филиал «Сименс Микроэлектроникс Центр» ГмбХ (Симек). В 1996 г. здесь же обосновалась американская компания AMD. Сегодня это главный производственный центр компании, покрывающий весь ее спрос на полупроводниковые материалы. В ходе инновационного развития здесь продолжили размещение предприятий этой отрасли, в том числе были созданы дочерние предприятия AMD по производству программного обеспечения «Paravision Software». Таким образом, мы можем говорить о наличии в районе Дрездена регионального кластера, специализирующегося в области микроэлектроники и информационных технологий

Одной из ведущих отраслей Берлина и его окрестностей является производство транспортной техники. Наибольшие перспективы представляет производство железнодорожной и авиационной техники, в то время как производство автомобильной техники играет менее заметную роль. В этой отрасли занято около одной десятой работающего населения Берлина и Бранденбурга³. Около 250 предприятий промышленности и сферы услуг производят продукцию для железнодорожного, автомобильного и авиационного транспорта.

Среди известных международных инвесторов присутствуют такие предприятия, как «Даймлер-Крайслер», «БМВ Роллс-Ройс», «АДТ-ранс» и «Сименс». Другой опорой транспортного машиностроения с высоким потенциалом экономического роста в Берлинском регионе является авиатранспортная отрасль. Предприятия воздушного транспорта «Кондор», «Britannia Airways» и «DHL World Wide Aviation» разместили свои филиалы в расширенном на базе аэропорта «Шёнефельд» аэропорте «Берлин-Бранденбург Интернациональ». На юге Берлина, в Далевице, в 1993 г. предприятие «БМВ Роллс-Ройс» ввело в эксплуатацию завод по сборке двигателей для самолетов.

Таким образом, Берлин и его окрестности сосредоточивают региональный кластер в сфере транспортной и телекоммуникационной техники. Здесь зарождается кластер в области авиатранспортной техники. В этой отрасли региональная сеть поставщиков пока только формируется, так как двигатели в Далевице привозят из Западной Германии и из-за границы.

Также в окрестностях Берлина, в земле Бранденбург размещается целый ряд крупных производств и технологических центров в области производства микросистем, теле- и видеоаппаратуры, металлообработки, пищевой промышленности, издательского дела, генных технологий и микробиологии. Лаборатории федеральной земли Бранденбург специализируются на разработке солнечных батарей. Использование «зеленой энергетики» в ЕС стимулируется правилами государственного субсидирования. Фирмы, разрабатывающие и производящие оборудование и технологии в этой сфере,

¹ OEM-предприятие = Original-Equipment-Manufacturer (англ.) – предприятие-изготовитель комплексного оборудования (на основе поставок комплектующих с других предприятий).

² В 1989 г. около одной шестой всей продукции ГДР этих отраслей было произведено в регионе. Самым крупным предприятием был комбинат «Роботрон» с широким спектром продукции, особенно в области микроэлектроники.

³ Берлин расположен внутри федеральной земли Бранденбург.

могут получить компенсацию от государства в размере до 100% своих расходов на фундаментальные НИОКР¹. Существуют и другие весьма значительные льготы.

Региональный кластер Йена–Эрфурт–Ильменау, расположенный в центре Германии (земля Тюрингия) на пересечении важных автомобильных и железнодорожных путей между крупнейшими немецкими и европейскими городами, имеет длительную историю развития и богатую культуру Йена – город науки, исследований и технологий, сегодня переживает экономический бум. Эрфурт – один из красивейших и старейших городов в новых федеральных землях – сегодня административный и медиацентр Тюрингии. Ильменау – университетский город, связанный с именем Гёте. Сегодня они образуют технологический треугольник в Тюрингии. Особо следует отметить высокий уровень развития науки. Научно-исследовательские институты тесно сотрудничают с фирмами региона. Йену называют классической моделью научно-технологического центра. Она является центром высокотехнологического производства уже последние полтора столетия. Компания «Carl Zeiss» производила здесь высококачественную оптику, а на нее работали десятки мелких фирм. С 1994 по 2001 г. число программистов, проживающих и работающих в Йене, удвоилось и достигло 1100 человек, что превысило 1% населения города, и этот высокий уровень сохраняется до сих пор. Этому способствовало значительное расширение инновационной инфраструктуры города. Так, были образованы 5 центров по развитию технологий малого и среднего бизнеса, центр прикладного внедрения микросистем и созданы соответствующие кафедры и специальности в университетах.

Плодородная Магдебургская равнина и предгорье Гарца сформировались на отложениях лёсса ледникового периода, что стало причиной образования особенно плодородных черноземовидных почв с самыми высокими показателями качества в Германии. Именно поэтому исторически эта земля всегда активно использовалась в земледелии. Регион является общепризнанной немецкой колыбелью семеноводства. Растениеводство и выращивание сахарной свеклы способствовали интенсивному экономическому росту в XIX в., что способствовало развитию таких отраслей хозяйства, как

машиностроение (производство паровых плугов), обрабатывающей промышленности (сахарные заводы), горнодобывающей химической промышленности (калийная и содовая промышленность).

На основе этих традиционных отраслей промышленности и сельского хозяйства сегодня в регионе, благодаря федеральным программам, формируются инновационные экономические центры в сфере растительных биотехнологий, медицинской и фармацевтической промышленности, переработки пластмасс, химической промышленности, машиностроения, пищевой промышленности, производства автомобильных запчастей, порошковой металлургии и туризма. Созданы сети компетенции InnoPlanta в сфере растительных биотехнологий MAHREG в сфере производства автомобильных запчастей. Однако, в отличие от других регионов, в федеральной земле Саксония-Ангальт сохраняются самые высокие показатели безработицы в Германии и продолжается сильный отток населения, в первую очередь молодых и высококвалифицированных кадров.

Ганзейские города Грейфсвальд, Росток и Висмар, расположенные на берегу Балтийского моря в федеральной земле Мекленбург–Передняя Померания, образуют еще один новый формирующийся полюс роста на северо-востоке страны с давними традициями судостроения и морской торговли. И сегодня профиль региона формируется за счет приморской специализации городов – современного судостроения и постоянно развивающегося портового хозяйства.

Можно говорить о том, что восточногерманские кластеры обладают рядом специфических черт. Во-первых, они, как правило, формируются из небольших компаний, основанных бывшими сотрудниками разорившихся крупных предприятий. Предприниматели, возглавляющие компании, в основном уроженцы бывшей ГДР, хорошо знают друг друга, и работа на конкурирующие мелкие предприятия не мешает им поддерживать рабочие отношения и помогать друг другу в решении текущих проблем, что благотворно сказывается на общем развитии отрасли.

Во-вторых, следует отметить, что на их развитие оказывает значительное влияние государственная кластерная политика. Речь идет о поддерживающей кластерной политике.

¹ Современная Европа. – 2007. – № 2. – Апрель. – С. 45.

Первостепенное внимание правительства к развитию научного потенциала и активная политика субсидирования университетов, поддержка развития инновационных центров и специализирующихся на инновациях предприятий позволила новым землям сохранить значительный научный потенциал после объединения. Стремясь противостоять оттоку молодежи на запад страны, многие земли использовали федеральные средства для создания избыточных мест в вузах. Эта весьма расточительная с точки зрения федерации политика дала, тем не менее, свои результаты на территории бывшей ГДР: развился целый ряд высокотехнологичных кластеров.

Если западногерманские земли уверенно сохраняют свое традиционное лидерство в автомобильной промышленности, тяжелом машиностроении, химии и, частично, в электронике, то подавляющее большинство компаний, лидирующих в оптоэлектронике, разработке информационных технологий, производстве энергосберегающих и биотехнологий (к примеру, в разработке экологически чистых генерирующих мощностей) располагаются в новых федеральных землях.

Исследование инновационного потенциала новых федеральных земель Германии показало пока еще недостаточную самостоятельность восточногерманских инновационных предприятий. По-прежнему их развитие зависит от государственной поддержки. Тем не менее, расточительная, на первый взгляд, политика субсидирования университетов и инновационных центров в Восточной Германии дает свои положительные результаты.

Уже сегодня новые земли выделяются значительным количеством регистраций патентов в области неорганической химии и биотехнологий. Также выше среднегерманских показателей количество зарегистрированных патентов в области электротехники, электронной контрольно-измерительной техники, оптики и фотографической техники. В сельских районах новые рабочие места создаются в туризме, а сельское хозяйство приобрело структурированный и ориентированный на потребителя характер, создано также инновационное энергетическое хозяйство.

Сегодня можно говорить о наличии ряда перспективных региональных кластеров на территории Восточной Германии. К ним относятся кластер микроэлектроники в Дрездене и автомобильные кластеры в Дрездене, Хемнице–Цвиккау и Лейпциге, кластер растительных биотехнологий в Магдебурге, кластер высококачественной оптики в Тюрингии, кластер авиатехнической и железнодорожной техники в Берлине–Бранденбурге, медицинской техники и судостроения в Грейфсвальде и другие.

Формирование региональных кластеров повысило конкурентоспособность регионов Восточной Германии и обеспечило их достаточно высокий социально-экономический потенциал. Проводимая федеральным правительством осознанная региональная политика вывела Восточную Германию на среднеевропейский уровень. По многим параметрам она сопоставима или опережает другие структурно отсталые регионы Западной Европы. При этом она значительно опередила в развитии страны Восточной Европы.

О.В. Шувалова
(г. Москва)

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И КОМПАНИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОГРАФИИ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГЕРМАНИИ

Shuvalova O.V.

THE ROLE OF THE STATE AND BUSINESS IN THE PLACEMENT TRANSFORMATION OF THE COAL INDUSTRY IN GERMANY

The article is devoted to the territory changes in the coal industry of Germany and to the processes of industry restructure.

До Второй мировой войны «альфой и омегой» экономической жизни Германии было принято считать уголь. Уголь до сих пор остается единственным местным энергоносителем, которым Германия в ближайшие десятилетия может покрывать все свои потребности в энергии. С угольными месторождениями, как закрытыми, так и разрабатываемыми, связано размещение основных энергоемких промышленных предприятий. Местный каменный уголь сыграл решающую роль в восстановлении экономики Западной Германии после Второй мировой войны. Этот уголь шел, главным образом, на электростанции для выработки электроэнергии и в черную металлургию в виде кокса.

Несмотря на то, что на территории Германии добыча каменного угля в промышленных объемах ведется более 150 лет, выработаны лишь отдельные участки месторождений. При современном уровне развития добычи и технологий Германия обеспечена местным каменным углем на 800 лет вперед. Каменный уголь в Германии – высокого качества. Крупнейшими запасами каменного угля в Европе обладает Рурский бассейн, занимающий площадь 5 тыс. км² (15% площади земли Северный-Рейн-Вестфалия), – главный промышленный центр Германии. Рурский бассейн «притянул к себе» комплекс промышленных, в том числе и металлургических предприятий. Вторым по запасам каменного угля является Сарский бассейн, который тесно связан с соседними металлургическими районами Франции и Люксембурга (рис. 1).

Разработка Рурского бассейна началась с южных месторождений, где пласты выходили на поверхность. Основные месторождения Рурского бассейна находятся между городами

Дуйсбург и Дортмунд в широтном направлении и реками Липе и Рур в меридиональном направлении. Постепенно часть угольных пластов была сработана. Новыми районами освоения стали северные месторождения Рурской области. Добыча на них ведется на большой глубине (в среднем более 800 м) в сложных горно-геологических условиях.

Учитывая высокую стоимость рабочей силы и усиление экологических требований к производству в Германии, местная каменноугольная промышленность не выдержала мировой конкуренции и в 1958 г. в отрасли разразился *структурный кризис*. В 1958 г. был достигнут максимальный уровень добычи каменного угля в Западной Германии – 151 млн т (табл. 1).

Кризис угледобычи проходившая одновременно с ним стагнация в черной металлургии потребовали серьезной перестройки структуры этих отраслей промышленности, прежде всего, в Рурской области. Для снижения социальной напряженности в регионе на государственном уровне был принят ряд нормативных документов, в том числе – «Закон о реструктуризации и обновлении каменноугольной промышленности Германии» (Gesetz zur Anpassung und Gesundung des deutschen Steinkohlenbergbaus) 1968 г., так называемый «угольный закон». Закон предусматривал государственную поддержку отрасли и способствовал смягчению социальных последствий ее кризиса. В соответствии с «угольным законом» государством в 1969 г. была образована единая компания, монополизировавшая добычу угля в Руре – Рурколле АГ (Ruhrkohle AG), сконцентрировавшая 80% добычи каменного угля в стране. Штаб-квартира этой компании расположена в г. Эссен [9].

Рис. 1. Основные бассейны и месторождения каменного и бурого угля на территории Германии

Для гарантии сбыта местного каменного угля государством было организовано подписание договоров с крупнейшими потребителями: в 1968 г. – с предприятиями металлургической промышленности («Huettenvertrag»), в 1980 г. – с электроэнергетическими компаниями («Jahrhundertvertrag mit der Elektrizitaetswirtschaft»).

Последний договор предусматривал введение так называемого угольного опфеннига (Kohlepfennig) – плату потребителей, компенсировавшую производителям электроэнергии разницу в ценах между импортным и местным каменным углем¹.

С 1994 г. по решению Федерального конституционного суда Германии (Bundesverfassungsgericht) эта плата была отменена, и в дальнейшем выплата компенсаций осуществлялась из государственной казны.

В 1997 г. правительство Германии пересмотрело свою внутреннюю политику в отношении поддержки местной каменноугольной промышленности и провело «обновление» законодательства, приняв решение о закрытии ряда шахт. Долгосрочной стратегией развития отрасли предусматривалось сохранение лишь части местной каменноугольной промышленности для обеспечения безопасности страны. В 2003 г. даже был введен в эксплуатацию новый оснащенный по последнему слову техники коксовальный завод «Швельгерн» в Дуйсбурге мощностью 2,5 млн. т металлургического кокса в год. Стоимость строительства этого высокотехнологичного и экологически чистого комплекса составила 800 млн. евро. Основным потребителем его продукции стала металлургическая компания ThyssenKrupp Stahl AG.

¹ В 2004 г. стоимость импортного каменного угля для электростанций на территории Германии составляла в среднем 50 евро за тонну, а местный уголь реализовывался по цене 160 евро за тонну [8].

Таблица 1

Динамика закрытия каменноугольных шахт в Рурском бассейне

Год	Добыча, млн т	Число шахт, шт.	Число занятых, тыс. человек
1957	149,4	173	607
1967	112,0	95	287
1977	84,5	43	192
1987	75,8	32	156
1998	41,3	72	15
2000	33,3	58	12
2005	26	6	10

Построено на основании данных: [9].

Структурный кризис и изменения, следовавшие за ним, привели к переводу большей части хозяйства Рурской области на более высокотехнологичные и наукоемкие отрасли. Предприятия Рура продолжают поставлять на мировые рынки горное оборудование. В начале XXI века добыча каменного угля сохранилась в Рурском, Саарском бассейнах и на Иббенбюренском месторождении, где добывают антрацит, но число шахт резко сократилось. В Ахенском бассейне, где в прошлом работали несколько шахт, в 1990-е гг. добыча угля была полностью прекращена. В настоящее время большая часть каменного угля импортируется. В 2006 г. импорт каменного угля составил 41,3 млн т, а продуктового переработки (кокс) – 7,2 млн т [10].

Волна кризиса «не затронула» бурого угольную отрасль Западной Германии. В отличие от каменного угля добыча *бурого угля* ведется в Германии открытым способом, что значительно удешевляет производство. Основной потребитель бурого угля – электроэнергетическая промышленность – представляет собой стабильный рынок сбыта. 93% бурого угля, добываемого в Германии, идет на производство тепла и электроэнергии. Каждый четвертый киловатт электроэнергии в ФРГ вырабатывается на базе сжигания бурого угля [8].

Экономически эффективные запасы бурого угля на территории всей Германии оцениваются в 41 млрд т. Добыча бурого угля промышленного масштаба ведется в Нижнерейнском Лаузицком и Среднегерманском (в районе Лейпцига и Галле) бассейнах, на месторождениях Хельмштедта¹ (рис. 2). Небольшие месторождения Гессена и Баварии с начала XX века не разрабатывались.

Нижнерейнский бассейн расположен в Западной Германии на левом берегу Рейна в районе городов Кёльн, Ахен и Мёнхенгладбах. Его площадь составляет около 2500 км². Последние десятилетия в бассейне добывается порядка 100 млн т бурого угля в год. Более 100 лет добычу на месторождениях бассейна вела компания Reinbraun AG Braunkohle (штаб-квартира – в г. Кёльн), вошедшая в 2003 г. в состав Rheinisch-Westfälische Elektrizitätswerke Power AG – RWE Power AG (штаб-квартиры – в гг. Кёльн и Эссен). Кроме того, добыча бурого угля в Западной Германии ведется в районе г. Хельмштедт (в 2006 г. – 1,8 млн т).

В Восточной Германии после воссоединения многие разработки бурого угля были закрыты. Последнее десятилетие добыча ведется в двух крупных бассейнах – Среднегерманском (на 3-х крупных разрезах, добыча 15–20 млн т в год) и Нижнелаузицком (на 5-ти крупных разрезах, добыча 50–55 млн т в год).

В 1970–1980-е гг. ГДР занимала первое место в мире по добыче бурого угля (более 250 млн т в год). В 1985 г. была достигнута максимальная добыча – 312 млн т. Наиболее мощные карьеры с полной механизацией вскрышных пород, выемки и транспортировки угля находились в округах Котбус, Лейпциг и Галле.

Добыча бурого угля в Восточной Германии велась открытым способом, что значительно удешевляло производство, однако теплотворная способность угля составляла всего лишь 1500–2800 ккал/кг. В ГДР была налажена многоступенчатая переработка бурого угля. Из бурого угля производились брикеты, бытовой газ и пр. Производство бытового газа концентрировалось в районе Лаузицкого бурого угольного бассейна на комбинатах в Лауххамере (округ

¹ В 2006 г. добыча бурого угля на месторождении Хельмштедт составила 1,8 млн т. К 2017 г. экономически рентабельные для добычи запасы месторождений Хельмштедта будут исчерпаны, и добыча будет прекращена.

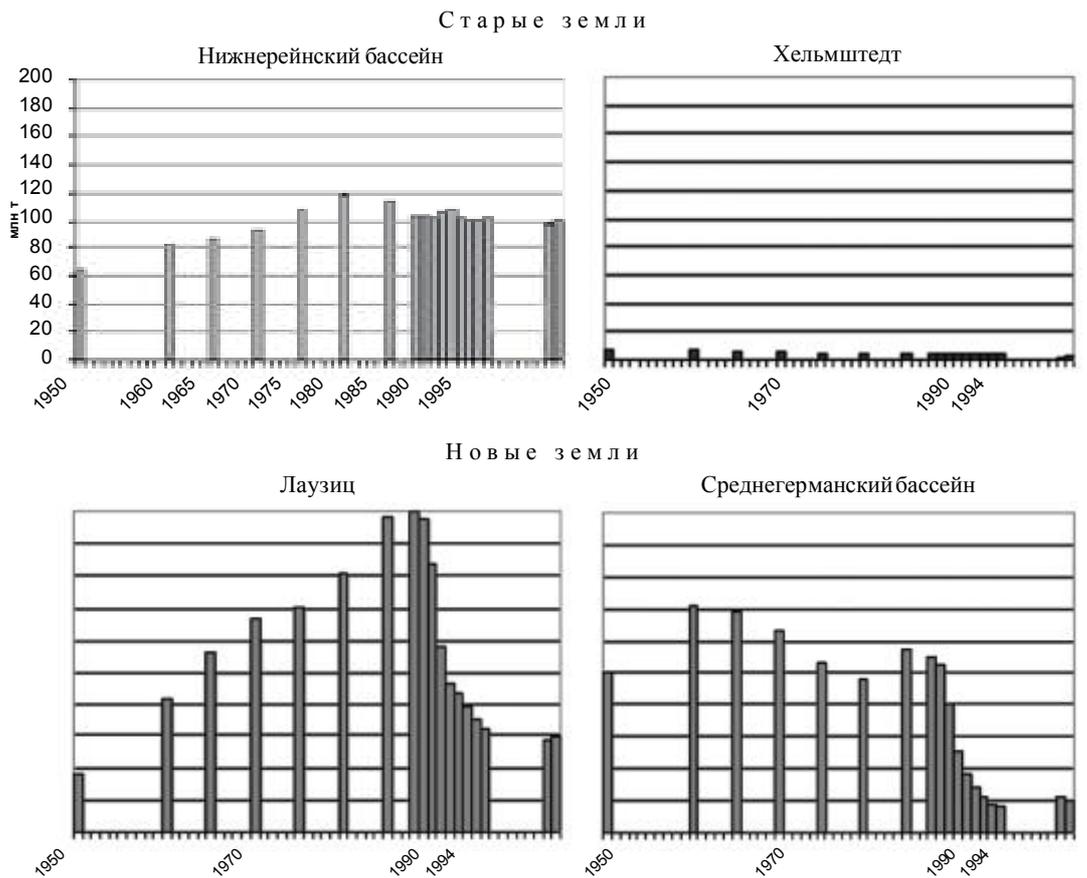
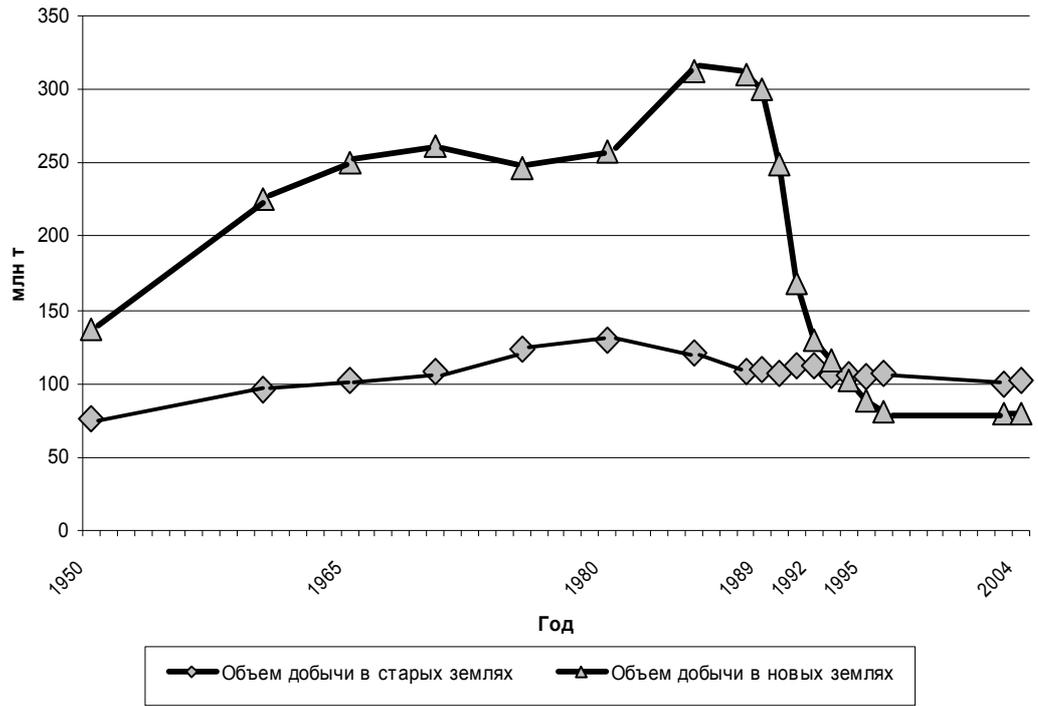

Рис. 2. Динамика добычи бурого угля в новых (Лаузиц и Среднегерманский бассейны) и старых (Нижнерейнский бассейн, Хельмштедт, Гессен, Бавария) землях

Потсдам) и Шварце Пумпе (округ Бранденбург). Содержание серы в буром угле Лаузицкого бассейна (0,3%–1,3%) значительно меньше, чем в угле Среднегерманского бассейна (1,5–2,5%). Поэтому предпочтение при строительстве цехов по производству бытового газа было отдано Лаузицкому бассейну. После объединения все установки по производству бытового газа были закрыты.

В 1960–70-е гг. в ГДР были построены мощные теплоэлектростанции (ТЭС): в Лаузицком бурогольном бассейне – ТЭС «Люббенау» и «Фечау» общей мощностью 2,5 млн кВт, ТЭС «Боксберг» мощностью 3,5 млн. кВт, «Еншвальде» – 3 млн. кВт. После строительства таких крупных энергетических объектов изменилось пространственное распределение энергетических мощностей по стране. В довоенное время на территории Восточной Германии большая часть электроэнергии вырабатывалась электростанциями Берлина (633 МВт) и Дрездена (512 МВт). Расположение электростанций было приурочено местам потребления. После Второй мировой войны произошло смещение производства электроэнергии на Юг Восточной Германии к местам добычи бурого угля, и лишь к концу 1980-х – началу 1990-х гг. в связи со строительством АЭС наметился сдвиг к Северу. Более половины электроэнергии в ГДР вырабатывалось в округе Котбус около 40% – в округах Галле и Лейпциг. Также с севера на юг возрастала плотность ЛЭП в связи с несовпадением месторасположения электростанций (вблизи бурогольных бассейнов) и основных потребителей.

После воссоединения Германии месторождения Лаузица были выкуплены компанией Lausitzer Braunkohle AG – LAUBAG (штаб-квартира – в г. Зенфтенберг), собственниками которой стали крупнейшие электроэнергетические компании Западной Германии. В 2002 г. произошла смена собственников и месторождениями Лаузицкого бассейна теперь распоряжается компания Vattenfall Europe Mining & Generation AG.

В 1994 г. собственником компании Mitteldeutsche Braunkohlengesellschaft mbH – MIB-RAG (штаб-квартира – в г. Тайсен), ведущую добычу на месторождениях Среднегерманского бассейна, стал англо-американский консорциум в составе компаний PowerGen plc. (Великобритания), NRG Energy Corp. (США), Morrison Knudsen Corp. (США, с 2001 г. – Washington Group International). В начале XXI века

компания MIBRAG перешла в собственность исключительно американских владельцев.

В 2006 г. импорт бурого угля ФРГ составил всего 211 тыс. т, а экспорт – 1 042 тыс. т, прежде всего, в Швейцарию, Италию и прочие страны ЕС [8].

Для географии промышленности имеет большое значение то, что бурый уголь в отличие от каменного, обладающего более высокой теплотворной способностью, малотранспортабелен, и теплоэлектростанции строятся вблизи бурогольных карьеров. Привязанность электроэнергетического производства на базе «угольных» ТЭС к угледобывающим районам особенно проявилась в Восточной Германии, поскольку 4/5 электроэнергии в Германской Демократической Республике (ГДР) вырабатывалось за счет использования бурого угля.

Перспективы развития современной бурогольной промышленности Германии наглядно демонстрируют примеры строительства теплоэлектростанций, работающих на буром угле – Нидераусем в районе Нижнерейнского бурогольного бассейна и др.

Однако технологический прогресс, вызванный усилением экологических требований к предприятиям энергетической промышленности, вывел на новый уровень смежные отрасли. Германия вышла в число лидеров по технологиям организации экологически чистых производств.

В ходе «срастания» экономик государств активного переплетения капитала и происходящей глобализации новыми субъектами международного права «де-факто» все больше становятся крупнейшие транснациональные компании, охватившие своей деятельностью значительные территории и распространившие ее на все уровни хозяйственного, а часто и политического устройства.

История развития германской угольной промышленности, прежде всего каменноугольной, – история картелей, в том числе и межотраслевых, так как данная отрасль всегда привлекала внимание компаний, работавших не только в энергетической сфере, но и в черной металлургии, которая является основным потребителем кокса.

Современные процессы, происходящие в корпоративной среде, показывают, что крупнейшие потребители энергии стараются не только гарантировать сбыт конечной продукции, но и контролировать поставки сырья и энергии за счет приобретения компаний, занимающихся их разработкой и переработкой.

Для угольной отрасли это выражается в «скупке» электроэнергетическими компаниями предприятий по добыче угля. Например, компанией Vattenfall – активом MIBRAG, занимающейся разработкой бурого углейных месторождений Среднегерманского бассейна; компанией RWE – компанией Rheinbraun AG Braunkohle, более 100 лет занимавшейся добычей бурого угля в Нижнерейнском бассейне в Западной Германии; компанией Energie On (E.On) – компанией Braunschweigische Kohlenbergwerke AG, разрабатывавшей с 1873 г. бурого углейные месторождения Хельмштедта.

Импортеры каменного угля – это, прежде всего, компании, потребляющие его в промышленных объемах: электростанции, заводы по выплавке чугуна, в т. ч. принадлежащие компании ThyssenKrupp Stahl-Service-Center GmbH, Лангенфельд, а также иные промышленные, торговые и логистические предприятия.

Одновременно в 2005 г. компания Ruhrkohle AG удалось приобрести компанию STEAG (штаб-квартира в г. Эссен), владеющую 8 электростанциями Германии, работающими на каменноуглейном топливе, а также ве-

дущую активнее других торговлю каменным углем (2005 г. – 37 млн. т).

Интересы германских компаний представляют отраслевые объединения. Например, в Verein der Kohlenimporteure – VDKI со штаб-квартирой в Гамбурге объединены компании, занимающиеся импортом каменного угля. Главой VDKI является Erich Schmidt, представитель компании E.On Kraftwerke GmbH (штаб-квартира компании находится в Гамбурге). Интересы добывающих компаний каменноуглейной отрасли представляет объединение Gesamtverband des deutschen Steinkohlenbergbaus – GVSt, бурого углейной отрасли – Deutscher Braunkohlen-Industrie-Verein e.V. – DEBRIV со штаб-квартирой в Кельне [10, 7, 6].

Опыт территориальных изменений в размещении угольной промышленности, деятельности компаний по «завоеванию» новых рынков, социальных последствий кризиса в угольной промышленности, а также технологического и экологического прогресса нельзя не учитывать в экономической политике нашей страны, располагающей богатейшими запасами угольного топлива.

Библиографический список

1. Blättchen Klaus «Die Transformation der Elektrizitätswirtschaft im Osten Deutschlands», Schembs GmbH, Nürnberg, 1999, 402 с.
2. Bonekamp Berthold A. «Perspektiven der deutschen Braunkohlenindustrie», Конференция «Braunkohlentag 2002», 16 мая 2002 г., Германия, Бонн.
3. Витковский О.В. География промышленности зарубежных стран, 1997 г.
4. Шувалова О.В. Проблемы обеспеченности Германии собственными энергоносителями и роль России в их решении: Материалы II международной конференции «Стратегии развития минерально-сырьевого комплекса в XXI веке». – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 110–112.
5. Шувалова О.В. Энергетическое хозяйство Восточной Германии в период объединения ФРГ и ГДР: кризис и адаптация: Сборник научных статей «Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире». – Смоленск: Универсум, 2006. – С. 248–253.
6. <http://www.braunkohle.de> – официальный сайт Bundesverband Braunkohle
7. <http://www.gvst.de> – официальный сайт Gesamtverband Steinkohle
8. <http://www.kohlenstatistik.de> – официальный сайт Statistik der Kohlenwirtschaft e.V.
9. <http://www.steinkohle-portal.de> – информационный портал о каменноуглейном хозяйстве Германии
10. <http://www.verein-kohlenimporteure.de> – официальный сайт Verein der Kohlenimporteure e.V.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В МИРЕ АЛМАЗОВ И БРИЛЛИАНТОВ

Потоцкая, Т.И. Международное разделение труда в алмазно-бриллиантовом комплексе : монография / Потоцкая Т.И. – Смоленск : Универсум 2008. – 388 с.

IN THE WORLD OF DIAMONDS AND BRILLIANTS

The review of T.I. Pototskaya monography «The International division of labour in a diamond complex»

В начале 2008 года вышла в свет монография «Международное разделение труда в алмазно-бриллиантовом комплексе», подготовленная кандидатом географических наук, доцентом кафедры экономической географии и региональной политики Смоленского гуманитарного университета Т.И. Потоцкой

Данная работа представляет несомненный интерес как для специалистов в сфере алмазно-бриллиантового комплекса, так и для всех, кто занят изучением вопросов функционирования и развития мирового хозяйства в целом. Это связано с тем, что в географической науке работы подобной направленности до настоящего времени отсутствовали, главным образом по причине информационной закрытости данного сектора современной экономики

Алмазно-бриллиантовый комплекс (АБК), как отмечает автор, обладает рядом особенностей, делающих его уникальным. Во-первых, это тезаврационные свойства производимого товара, которые превращают отрасли комплекса в стратегически важные для национальных экономик. Во-вторых, изначальная его ориентированность на мировой рынок и развитие в условиях международного разделения труда (МРТ), когда между местом производства товара и местом его потребления существует значительный территориальный «разрыв». В-третьих, АБК – это система экономических, политических, экологических, социальных взаимоотношений, возникающих в результате взаимодействия отраслей, что приводит к определенной конфликтности между субъектами, участвующими в его функционировании и формированию узловых районов противоречий, связанных с воздействием конкурентных сил. В-четвертых, АБК характеризуется узким первичным рынком, который компенсируется

мощным вторичным рынком, что приводит к диверсификации функций территории в рамках изучаемого комплекса и делает его интересным для экономико-географов.

Автор в качестве основной цели исследования поставил задачу определения места в международном разделении труда всех субъектов мирового алмазно-бриллиантового комплекса: отдельных компаний, национальных экономик, интеграционных союзов.

Это потребовало решения целого ряда сложных вопросов. Судя по материалам, приведенным в монографии, автор провел огромную работу по формированию банка данных о деятельности АБК, а также по обработке и систематизации статистических материалов и информации технического характера. Насыщение монографии статистической информацией позволяет иметь четкое представление о соподчинении и взаимозависимости отраслей в алмазно-бриллиантовом комплексе и показывает «накопленную стоимость» в каждом разделе АБК.

На основе созданной базы данных был произведен отраслевой и региональный анализ развития алмазно-бриллиантового комплекса, выявлены факторы, влияющие на характер международного разделения труда в каждой из образующих его отраслей. Совершенно верно замечено, что наиболее значительно на развитие алмазной отрасли влияют такие факторы, как наличие природных ресурсов, капитала и государственное регулирование. Для гранильной отрасли наиболее важными факторами можно считать доступ к алмазному сырью, стоимость и качество рабочей силы, наличие капитала и предпринимательские ресурсы, а развитие ювелирной отрасли связано в определяющей степени с потребительскими свойствами территории и стоимостью рабочей силы.

Значительное место уделено изучению видов и форм международного разделения труда, характерных для отраслей комплекса. Авторы предложили обосновать систему показателей, отражающих место тех или иных стран в МРТ АБК, а на ее основе произвел типологию стран по их месту в МРТ алмазно-бриллиантового комплекса.

Несомненный интерес представляет разработанная автором типология видов международной специализации и кооперирования характерных для отраслей АБК.

В тексте монографии совершенно четко определены тенденции, характеризующие развитие алмазно-бриллиантового комплекса мира. Это, во-первых, как отмечает автор, широко масштабные сдвиги в размещении отраслей АБК, отражающие глобальные процессы, происходящие в мировой экономике. К их числу относится ориентация АБК экономически развитых стран на производство самой дорогостоящей продукции в рамках комплекса (идеальная огранка крупных бриллиантов, оценка и сертификация алмазов и бриллиантов, производство ювелирных изделий класса «премиум»), наряду с усилением роли развивающихся стран за счет переноса в них производственных функций гранильной отрасли. Это также увеличение территориальной концентрации предприятий гранильной и ювелирной отраслей, усиливающей международную специализацию стран, углубление международной специализации и кооперации за счет деятельности ТНК. Все возрастающую роль в развитии АБК играет углубление отраслевых интеграционных процессов и расширение МРТ за счет повышения уровня социально-экономического развития во многих государствах мира, вовлеченных в деятельность комплекса.

Во-вторых, наряду с общемировыми тенденциями в МРТ изучаемого комплекса, автор выделяет ряд специфических черт развития:

- усиливается роль природно-ресурсного фактора в формировании обрабатывающих отраслей АБК. Алмазодобывающие страны стремятся, вне зависимости от уровня социально-экономического развития, к формированию на своей территории всех отраслей комплекса, чего никогда ранее не наблюдалось и что в целом противоречит тенденции углубления международной специализации;

- в гранильной отрасли происходит увеличение доли самого дешевого товара (индийская огранка), производство которого не требует

высокой квалификации рабочей силы и технологических нововведений. Кроме того, данную отрасль характеризует переход от традиционно малых форм производства к более крупным;

- МРТ в алмазной отрасли расширяется за счет постепенного преобразования изначального монопольного рынка в олигопольный;

- значительную роль в развитии АБК играют, наряду с экономическими, факторы политического порядка;

- информационные технологии (интернет-торговля) формируют как позитивные, так и негативные явления в гранильной и ювелирной отраслях.

В короткой рецензии нет возможности осуществить подробный анализ всех вопросов, освещенных в монографии, поскольку автором чрезвычайно подробно охарактеризованы состояние и тенденции развития всех товарных сегментов мирового алмазно-бриллиантового комплекса и особенности его современного состояния в ведущих странах, определяющих функционирование мирового АБК. Несомненным достоинством монографии является очень глубокая и содержательная характеристика АБК России, поскольку ранее этот вопрос практически не освещался в географической литературе.

Конечно, вышедшая в свет монография не лишена недостатков. В некоторых разделах излишнее внимание уделяется интересным, но несколько выходящим за рамки основной темы книги вопросам. Например, в параграфе, посвященном характеристике АБК России, чрезвычайно подробно рассматривается география производства не только ювелирных изделий с бриллиантами, но и всех других видов ювелирных изделий. Имеются отдельные незначительные разночтения между цифровыми данными, приведенными в различных таблицах и на картах-схемах. Монография иллюстрирована более чем двадцатью картами-схемами, отражающими ее содержание, но некоторые из них не хватает подробности, что, впрочем, вполне объяснимо вопросами технического плана и ограничениями, связанными с объемом книги.

В заключение следует отметить, что вышедшая в свет монография стала заметным явлением в экономико-географической литературе, посвященной развитию и размещению отраслей мирового хозяйства. Вызывает сожаление лишь относительно малый ее тираж.

Ковалев Ю.П.

(Смоленский гуманитарный университет)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Казакова Т.Л. – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России МГУ им. М.В. Ломоносова

Карачурина Лилия Борисовна – кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой демографии Института демографии ГУ – ВШЭ, г. Москва

Ковалев Юрий Павлович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и региональной политики Смоленского гуманитарного университета

E-mail: yury_kovalev@shu.ru

Корнев Иван Николаевич – кандидат географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии и методики обучения географии Уральского государственного педагогического университета

E-mail: kornev_in@mail.ru

Миронова Галина Леонидовна – кандидат географических наук, доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Романова Екатерина Владимировна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Отдела германских исследований Института Европы РАН, старший преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета

E-mail: ekat.romanova@gmail.com

Шувалова Ольга Владимировна – аспирантка кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: dvigh@mail.ru

Яськова Татьяна Ивановна – аспирантка кафедры экономической географии и региональной политики Смоленского гуманитарного университета.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Редакционная коллегия журнала «Региональные исследования» приглашает к сотрудничеству научных работников, специалистов-практиков, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений. Имеется возможность разместить материалы проведенных научных исследований в нашем журнале в течение 2008 года.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований и региональной политике в России и за рубежом, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам региональной политики и регионального развития. Основные рубрики журнала: «Теория региональных исследований», «Социально-экономические проблемы развития регионов России», «Проблемы урбанизации», «Региональные проблемы развития туризма», «Проблемы изучения приграничных регионов», «Региональные проблемы зарубежного мира», «Хроника событий научной жизни». Публикация материалов является бесплатной, автору высылается один экземпляр журнала.

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 3 раза в полугодие.

Рукописи подвергаются редакторской правке, не рецензируются и не возвращаются.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими требованиями:

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.);
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц);
- иллюстрации, рисунки, схемы, карты, диаграммы и графики предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.);
- каждый рисунок (таблица) должен быть пронумерован и иметь название;
- все изображения должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230mm;
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных);
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати;
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 10 строк) на русском и английском языке.

Редакции журнала требуется также справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

Редакционная коллегия

Подписка на журнал «Региональные исследования» принимается во всех отделениях связи. Подписной индекс 20442 в «зеленом» каталоге агентства «Роспечать». Стоимость подписки на 2-е полугодие 2008 г. (3 номера) – 300 рублей.

